

ПРОБУЖДЕНИЕ PROBUZDZENie

«Свобода
не делима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».
М. Бакунин.

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА
64-197

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 35—37

ИЮЛЬ—АВГУСТ 1933.

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. Памяти Э. Малатесты. — М. НЕТТЛАУ. Материалы о позиции Малатесты в течение военного периода (1911-1919). — Э. МАЛАТЕСТА. Республика и революция. — Э. МАЛАТЕСТА. В качестве итальянцев. — ЖАН ГРАВ. К японским товарищам. — М. П. САЖИН. Бакунин и его вилла «Бароната». — ЛУИДЖИ ФАРБИ. Свобода для всех. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИН. Анархизм и насилие. — М. ПИЕРО. М. И. Гольдсмит (М. Корн). — Мелкие заметки и сообщения.

ПАМЯТИ Э. МАЛАТЕСТЫ

В Риме, год тому назад, 22-го июля умер известный итальянский анархист Эррико Малатеста.

Богато одаренный духовно, счастливо совмещавший чрезвычайную ясность мысли, доходившую до глубокой проницательности, вместе с практикой революционной работы, Малатеста занимал исключительное положение в анархическом движении.

И наш великий бунтарь Бакунин не ошибся, когда в молодом итальянском студенте угадал достойного продолжателя дела анархии и неутомимого борца.

Глубоко искренние, товарищеские, почти братские узы, связывали Кропоткина и Малатесту. Оба — выходцы из так называемого аристократического общества, оба отказавшиеся от богатства и соблазна карьеры, они ушли от праздной

и обеспеченной жизни, и отдали все свои силы, энергию и знания на то, чтобы разрушить храм капитализма и превратить миллионы современных рабов в свободных и счастливых людей.

И Кропоткин и Малатеста были подлинными революционерами в самом высоком значении этого слова. Ни тот, ни другой из них не пожелал сыграть роли Ленина, хотя к тому представлялась возможность. Оба они прекрасно учитывали, что большевистскими методами — палкой и насилием — нельзя осчастливить людей и создать свободное общество равноправных и никем неэксплуатируемых людей.

На достижение этого идеала Малатеста посвятил почти всю свою долгую жизнь, то приближавшую его к великой мечте, то

разрушавшей все его светлые надежды.

Как видно из замечательной статьи М. Неттлау, посвященной в этом номере нашего журнала одному из самых важных периодов революционной деятельности Малатесты, он, страшно восстававший против кровавого побоища, предвидел вероятность революционных бурь и потрясений, вызванных войной, хотя и давал совершенно иную оценку военным событиям, резко противоположную позиции Кропоткина, Грива и других «оборонцев», исходя из того соображения, что «обе воюющие стороны неправы», а затеянное ими кровопролитие преступно и пагубно для освободительного движения трудящихся.

Этот кропоткинско-малатестовский спор еще окончательно не разрешен историей, и в наше время бражничества оружием и приготовлений к новому еще более грандиозному побоищу в мировом масштабе, приобретает особенную актуальность и злободневность.

Вопрос об отношении к войне, которая снова темной и грозной тучей нависла на мировом небосклоне, во всей остроте встает не только перед анархистами, но и всеми подлинными друзьями мира, культуры и человечества.

Знамена нашего времени указывают на то, что в любой момент, если не на Дальнем Востоке, то в Европе, может вспыхнуть война, и диктаторы и правители погонят на убой миллионы молодых людей — цвет человечества.

Мы с тревогой взираем на это страшное кровавое будущее, подготовляемое правительствами всех цветов и наименований. Промышленный кризис — этот самый лучший союзник капитализма — сделал свое злое дело, придавив рабочих, убив

в них дух всякого протеста и сопротивления преступным замыслам капиталистов и правительств. На заводах в Америке и в других странах день и ночь куется мечи, отливают орудия, выделяют ядовитые газы и прочее смертоносное оружие, которое, по воле кровавых правительств, будет употреблено против «излишнего», выброшенного машинами с фабрик и заводов молодого и старого населения.

Подхлестываемый нуждой рабочий производит снаряды и пули, строит корабли, которые может быть будут обращены против него-же, или его братьев-рабочих других стран. Ни в Америке, ни в других странах не слышно даже слабеньких протестов против готовящихся планов массового истребления людей. Куется оружие и молчат, и пойдут, конечно, воевать, подгоняемые все тем-же кнутом власти, страха и нужды.

Малатеста приходил в отчаяние от этой овечьей покорности и готовности рабочих масс приносить себя на заклание по одному мановению руки своих правителей. Мировая война не изменила этой бараньей психологии, и мы поэтому с полным основанием можем ожидать новых кровопусканий и побоищ, которые, конечно, не всегда заканчиваются благополучно и победными кликами.

И может быть обезумевшие правители на сей раз выпустят на волю демонов войны для того, чтобы они навсегда покончили с источником всех народных бедствий и зла — прогнившим и издыхающим капитализмом. А на его развалинах, в чреве и революционных муках, будет создано новое свободное общество, без правителей и эксплуатации, без богатей и нищих.

М. НЕТТЛАУ.

МАТЕРИАЛЫ О ПОЗИЦИИ МАЛАТЕСТЫ В ТЕЧЕНИЕ
ВОЕННОГО ПЕРИОДА 1911—1919.

МЫ еще так близки к военной обстановке и так мало еще сделали, чтобы помешать приходу новых войн, что было бы интересно и полезно рассмотреть в целом позицию такого прямодушного человека и анархиста, как Эррико Малатеста, в течение тяжелого периода мировой войны. Я попытаюсь сделать это, основываясь на множестве разрозненных документов периода европейской войны. В лице Малатесты мы имеем дело не с теоретическим или сентиментальным пацифистом; напротив того, рожденный в 1853 году, он пережил годы итальянских патриотических войн, национальных восстаний и конспираций 1859-1870, затевавших заговоры, имевших задачей подготовку войн и устройство восстаний. Сначала мальчиком, потом юношей, ставши социалистом - анархистом и революционером, он в течение 60 лет работал над координированием сил в целях всеобщего народного восстания. Он однажды почувствовал себя обязанным принять участие в национальной войне, развившейся из восстания и превратившейся в войну больших государств: то была сербская война 1876 года, возникшая на полпути между восстанием Герцеговины и русско-турецкой войны. Это было весной 1876 года, а в октябре того же года он присутствовал в качестве делегата на конгрессе Интернационала в Берне (Швейцария), где Восточная война подвергнута была обсуждению и где был составлен прекрасный и смелый манифест, написанный Шарлем Перроном, Николаем Жуковским и Джеймсом Гильомом, и возлагавший вину за войну на королей и деспотов, врагов народа, призывавший товарищей продолжать свою социальную войну за право против несправедливости, за нравственность против преступления, за труд против воровства. Малатеста, насколько мне известно, не принял участия в прениях, но сделал другие заявления на упомянутом Конгрессе и вскоре после того, так как он и его друзья уже приняли в то время решение подготовить итальянское социалистическое воз-

стание. Возстание это они и подняли в апреле следующего — 1877 — года. Затем он снова попытался присоединиться к вооруженному возмущению с социальной окраской, поднятому египтянами против иностранной эксплуатации летом 1882 года. Стремление к действию всегда было сильно в нем. Если он воздержался от выступления в 1914 году, то это было не в силу его пацифистских убеждений, а потому, что, на его взгляд, ни одна из воюющих сторон ничем не отличалась от другой и ни одна из них не вела борьбы за освобождение, за независимость, за социальные требования или гуманитарные чаяния.

Уже очень рано он познал сущность наступавшей в то время триполитанской войны 1911-1912 годов (Италия-Турция), которая, вместе с военными операциями «мирного проникновения» Франции в Марокко, развившимися на протяжении многих лет в ту эпоху, была одной из прелюдий к мировой войне. За триполитанской войной последовала война балканских союзников 1912—1913 годов против Турции, затем война 1913 года балканских союзников между собой и наконец в 1913—1914 годах возникло напряженное положение и подготовка вооруженного столкновения между Албанией, Скутари и т. д., пока, наконец, Сараевское убийство не зажгло мировую войну.

Триполитанская война началась совершенно неожиданно для широкой публики, хотя это было вознаграждение Италии за позволение Франции занять Марокко. Эта война была связана со спекуляциями и притязаниями одного большого итальянского банка. Она была подготовлена первыми вспышками фашистских настроений, выросших из тогдашнего культа силы, энергии, грубости, агрессивности и восхваления сильного и поношения слабого литераторами, артистами, кандидатами в философы, журналистами и поэтической кликой. Либерально настроенные люди с презрением относились к этому направ-

лению и игнорировали его. Таким образом оно развивалось безпрепятственно здесь как и в некоторых других странах. Это семя принесло свои плоды мгновенно как только началась триполитанская война. Малатеста при всем своем большом опыте, был поражен, когда увидел, как далеко распространилась зараза. Лондонские итальянцы республиканских, социалистических и либертарных взглядов, которых он знал в течение 30 лет, внезапно разделились на группу рассуждающих существ, и группу слепых сторонников захватнической политики, выкрикивавших требования о завоеваниях на земле и на море. Начались бурные митинги, на которых подозрительный субъект, в течение многих лет слышавший анархистом, оскорбил Малатесту, назвав его «турецким шпионом». В ответ на это Малатеста описал роль указанного субъекта в заявлении, обращенном к итальянской колонии. Субъект привлечен Малатесту к английскому суду за клевету, и Малатеста был приговорен к 3 месяцам каторжных работ и к высылке. Только тогда общественное мнение начало понимать, какая чудовищная несправедливость была допущена, и министры принуждены были отменить высылку, но приговор к тюремному заключению не был отменен. Таким образом Малатеста имел полную возможность почувствовать, до какой степени война отупляет и озлобляет даже нормальных и передовых людей.

В апреле 1912 года (до наступления описанных событий) Малатеста и его друзья выпустили в Лондоне единственный номер газеты «Триполитанская война». Газета содержала статью Малатесты «Война и анархисты». В ней он анализировал способы, с помощью которых обычно маскируют «грабительскую войну»: ее изображают как избыток расовой энергии, как долг, лежащий на расе и заставляющий ее цивилизовать других, — как патристическую любовь к славе Италии.

Малатеста пишет: ... «Мы ненавидим войну, ибо она всегда является братоубийственной и разрушительной. Мы стремимся к освободительной социальной революции, мы отвергаем борьбу между народами и зовем к

борьбе против господствующих классов. Но когда, к несчастью, конфликт все же возникает между народом и народом, то мы с тем народом, который защищает свою независимость.

«Когда австрийская солдатчина прошла по полям Ломбардии и виселицы Франца Иосифа были воздвигнуты на площадях Италии, тогда возстание итальянцев против австрийского тирана было благородно и свято. В настоящее время, когда Италия напала на другую страну и когда на рыночной площади Триполи позорные виселицы Виктора Эммануила удушают людей, возстание арабов против итальянского тирана благородно и свято.

Во имя чести Италии мы надеемся, что итальянский народ образумится и сумеет принудить правительство уйти из Африки, а если нет, то мы надеемся, что арабы сумеют выгнать его оттуда».

Европейское общественное мнение в то время было уже, однако, поработано двумя лагерями, подготовлявшими всеобщую войну. Это были Антанта и Германия. Соединенные Штаты подверглись критике, когда они подавили стремления к независимости филиппинцев времени Агвиняльдо. Весь мир протестовал также, когда бургские республики были подавлены Англией. Однако в позднейший период в таких случаях обе стороны получали компенсации и относились друг к другу терпимо. Франция расправилась по своему с Марокко, поэтому Италия получила свободу действий в Триполи и Киренаике, Англия была развязана руки в Египте, Балканские союзники также получили свободу действий в Турции, а для успокоения народного чувства найдено было достаточно оправданий. Балканская война 1912—1913 была описана в Англии, как новый крестовый поход, и расхваливалась до небес. Малатеста и его друзья могли видеть, что эта точка зрения разделялась некоторыми из самых известных анархистов, в том числе Кропоткин и множеством английских товарищей.

Под влиянием всего этого Малатеста пришел к выводу, что наступил момент для подлинного повстанческого выступления, по крайней мере там, где он сам мог работать над этим делом, в Италии — и при этом незави-

симо от войны. Иначе война и военные на- строения могли бы подорвать все надежды революционеров. В маленькой статье «Буржуазная экономия», написанной, вероятно, для «Волонта», издававшейся в Анконе (эта статья была переведена и напечатана в же- невском «Le Reveil» 16-го июля 1913 года) он указал, что обманчивы надежды на то, что милитаризм будет сокращен, если не во- все устранен по причине чрезвычайных рас- ходов. Он до такой степени тесно связан с современной промышленной жизнью и при- носит прибыль и работу столь многим, что его нельзя вырвать из современного строя, он будет жить и падет вместе с этим строем. Милитаризм может быть потрясен только про- пагандою среди солдат и путем подготовки к борьбе с теми солдатами, которые недоступны для такой пропаганды.

Взгляды Малатесты на этот вопрос уже сложились, как показывает его статья «По вопросу о возмании», напечатанная в париж- ском журнале «Анархическое движение», № 6—7, январь—февраль 1913 года. В те- годы антимилитаристская пропаганда по- пуляризировала мысль о том, что ответом на объявление войны должна быть генеральная стачка или возмание. Это вело к тому при- вычному взгляду, что война — полезное и даже прямо необходимое предварительное ус- ловие народного возмания. Этому взгляду Малатеста противопоставил мысль: «всякая война, когда она началась, или даже когда она только замышляется, — это самое худ- шее положение для успеха возмания, ка- кое только можно себе представить.

Ибо, объясняет он, в такие моменты все националистические предрассудки и страсти приходят в возбуждение. Народ забывает о вражде классов, о всех внутренних вопросах, и правительство может позволить себе то, чего общественное мнение не потерпело бы в другой обстановке. Те, кто проповедует возмание в такие времена, рассчитывает на военные поражения, но такие поражения ско- рее вызывают возмание в пользу усиленно- го ведения войны. Поэтому Малатеста счи- тал более полезным «проповедывать и осо- бенно готовить революцию в период эко-

номических кризисов (забастовки, дороговиз- ны естественных продуктов и проч.) или путем использования политических фактов (поли- цейские зверства, взаимная борьба буржуаз- ных партий и т. д.) и во всех случаях, когда революционеры чувствуют себя достаточно сильными, чтобы положить успешное начало делу»... Малатеста настаивает на подго- товке революции путем агитации и путем ма- териальной, технической подготовки.

... «Иначе, как и при ныне создав- шейся обстановке, мы не будем в состоянии — бесполезно предаваться иллюзиям на этот счет — успешно противостоять войне, когда правительства решают объявить ее, ибо мы, не подготовившись заблаговременно, не смо- жем также воспользоваться для нашей цели никакими другими случаями, которые сами нам представляются».

Эти замечания, как все мы помним, це- ликом подтвердились на опыте войны 1914 г., когда, на решительном повороте собы- тий, ни одно из передовых движений, ни од- на организация не оказались материально подготовленными для каких-либо действий. В тот момент настроения народов повсюду определялись предрассудками, умы были от- ражены, газетными кампаниями. Когда все это достигло апогея, все и каждый оказались сбитыми с толку, неверно осведом- ленными, ведомыми за нос правительства- ми, политиками и печатью во всех странах. Так бывало при объявлении всех войн: они принимали гигантские размеры, не встречая никакого противодействия, даже когда такие огромные события, как русская мартовская революция или как германское и австро-вен- герское возмание октября-ноября 1918 г. от- крывали возможности для солидарной между народной социалистической борьбы — такие возможности, каких еще никогда не открыва- ла дотоле история. Малатеста не только сделал своевременное предостережение, — которое было оставлено без внимания, — но и начал действовать в согласии со своим за- явлением. Его возвращение в Италию об- суждалось годами, но теперь он решился, и ежедневная газета «Волонта» издававшаяся

в Анконе с 8-го июня 1913 до мая 1915, стала базисом его деятельности. Он редактировал ее сам, когда был в Анконе, и направлял ее, когда был в отъезде, совершая многочисленные лекционные и агитационные туры, которые были для него, в сущности, способы найти активистов, координировать старую и молодую энергию и успешно распространять идею всеобщего итальянского восстания в близком будущем. Что такова именно была его задача, можно видеть теперь из некоторых его писем, например, из писем от 3 и 13 июня 1913, адресованных его близкому другу и опубликованных после смерти Малатесты 22 октября 1932 в Женевском «Risveglio».

Он знал, что Триполитанская война разсеяла надежды, на нее возлагавшиеся. Он знал, до какой степени многие молодые республиканцы, студенты и пролетарии возмущены были той безсовестною легкостью, с которою призывавшие республиканские лидеры поддерживали военную политику монархического правительства. Как он объяснил это в статье «Социалистическая республика» («Волонта», начало 1914 г.), это открыло глаза многим республиканцам, которые отказались после этого от надежд на социальное государство и перенесли свою веру на независимые муниципалитеты, рабочие союзы, личный почин и свободу. Эти отношения между рядовыми республиканцами, свободомыслящими, передовыми синдикалистами и анархистами складывались, главным образом, в провинциях Романьи, где все желало солидарной борьбы и готовы были к отказу от теоретических разногласий в интересах широкого сотрудничества.

Назревало широкое движение. Малатеста и его товарищи не стремились, разумеется, чрезмерно ускорить его (смотри его статью «Изувеченные движения» в «Уманита Нова», Рим, 28 июня 1922 г.), но события оказались сильнее их. Вышло так, что первое воскресенье июня 1914, назначенное для решительной антимилитаристской демонстрации, благодаря вмешательству полиции во многих местах, стало также момен-

том одновременных местных всплесков во многих городах и местностях Романьи, а также в городе Анкона, где находился Малатеста, и в других городах. Это, автоматически повторявшееся и распространявшееся, возстание приняло такие размеры, что продолжалось несколько дней или даже целую неделю, начиная с 7-го июня, вызывая повсюду взрыв надежд и подъем бодрости. Во многих местах оно было победоносно, власти и военные силы стояли в стороне, не смея препятствовать ему силою и применением репрессий.

В приложении к «Волонта» от 12 июня Малатеста писал: «И повсюду развивается деятельность лучших умов и наблюдается согласованность действий республиканцев, социалистов, синдикалистов и анархистов; монархия обречена.... И Малатеста занялся вплотную вопросами, с которыми сталкивается всякая революция — защита и питание народа. Практически этими вопросами занялись биржи труда, рабочие союзы и добровольные местные комитеты. Они особенно заботились о поддержании дружеских отношений с крестьянами, доставлявшими естественные продукты и т. д. Все это встречало противодействие со стороны лидеров реформистских синдикатов, Генеральной Конфедерации Труда в Риме, которая препятствовала распространению генеральной стачки и тем дала передышку правительству, которое получило возможность призвать войска и приступить к репрессиям. Те же самые лидеры в 1920 г. таким образом удушили движение в пользу захвата фабрик в Северной Италии и с тех пор они начали переходить со всеми своими пожитками на сторону фашизма. Это убilo в июне 1914 самое многообещающее революционное движение, какое видели тогда, прошедшие после Парижской Коммуны. Малатесте не оставалось ничего другого, как снова отправиться в изгнание.

10 или 13 дней прошли между концом анконского периода и прибытием Малатесты в Лондон (27 июня). Его пребывание в те дни (газеты охотились за ним в тех местах, где он без всякого сомнения никогда не был) стало мне известным, когда мой старый друг Жак Бросс написал мне из Женевы несколь-

ко времени спустя и сообщил, что он был счастлив приветствовать в своем доме Малатесту, который встретился там с Бертони, Герцигом, Дюмартере, с доктором Винчем из Лозанны и с одним или двумя другими старыми и молодыми друзьями за круглым столом. Эта встреча была очень интересна, но ее пришлось держать в строгом секрете, так как Малатеста с 1879 был изгнан из Швейцарии (а также из Франции, в том же самом году). Винч в «Le Reveil» от 18-го июля 1914 воспроизводит рассказ Малатесты об его итальянских впечатлениях.

В течение тех немногих дней, Бертони, как он рассказывает в «Le Reveil» от 6-го октября 1928, сделал следующее: ... «Я сообщил ему о моих страхах и о взглядах Кропоткина. Было решено, что, не называя Кропоткина по имени, Малатеста разберет все его аргументы и ответит на них. Месяц спустя война вспыхнула прежде, чем ему удалось это сделать»...

Это относится к 6-часовому спору Бертони с Кропоткиным в конце мая 1913 в Локкарно о позиции анархистов в случае войны. Некоторые замечания Бертони в «Risveglio» от 23-го августа 1913 позволяют нам изложить мнение Кропоткина следующим образом: по настойчивому запросу Бертони Кропоткин ответил, что ни в коем случае анархист не может согласиться вести войну для какого-нибудь правительства или государства. Защита родины, по его мнению, подчленила мысли, что, в случае, если падет национальное государство, то он не желает стать добычей иностранного государства. Подобно тому, как утверждали всегда Малатеста и мы (т. е. Бертони), Кропоткин считал, что самым трудным моментом для совершения революции является война. Это и есть причина, почему мы безусловно отвергаем повстанческую войну. Конечно, Кропоткин, как ранее его Бакунии, видел во Франции слишком много от «Франции времен Великой Революции», и если оба они — (Бакунии и Кропоткин) говорили о защите Франции, то они всегда подразумевали под этим не защиту государства, а защиту новой французской революции. Но такая гипотеза чрезвычайно

легко может быть использована французским национализмом, а рикшетом — и национализмами всех континентов. Поэтому французские анархисты первые единодушно ее отвергли.

Все это Бертони написал тогда, когда неточно записанная беседа с Кропоткиным напечатана была в итальянской ежедневной социалистической газеты «Аванти». Малатеста послал вырезку Кропоткину, который ответил, что разговор передан в неполном и неточном виде, и что в свое время он сам все объяснит, теперь же он занят другими делами.

Позднейшие замечания Бертони об этом майском разговоре 1913 года гласят: ... «Мы разстались глубоко взволнованными и пораженными противоречивостью наших взглядов. Кропоткин чувствовал, несмотря на все, что почти все товарищи будут придерживаться моих взглядов, я же заранее глубоко грустил, думая о влиянии, которое он несомненно окажет на некоторых друзей, и о дурных последствиях его позиции для нашего движения»...

Со своей стороны Кропоткин написал 3 июня 1913 очень длинное письмо, касающееся этого разговора с его старым другом Георгом Герцигом (в Женеве), который пришел к точке зрения Кропоткина за время войны. Это письмо, которого Бертони не пришлось увидеть, по некоторым сведениям существует и до сих пор, но нигде не было опубликовано. Разумеется, Малатеста знаком был с точкой зрения Кропоткина в общем, как мы увидим это из его собственных слов, но именно по этой причине он не обсуждал этих вопросов с Кропоткиным, ибо это привело бы только к тягостным разногласиям. Поэтому, вероятно, узнав от Бертони подробно о взглядах Кропоткина, он уделял этому вопросу несколько больше внимания в связи с ухудшением международного положения. Он прибыл в Лондон 27 июня, а на следующий день убийство в Сараево положило начало роковым событиям.

В Париже Малатеста встретился с несколькими активистами, из которых я могу назвать лишь Корнелиссена, изложившего свои итальянские впечатления в ежедневной синдикальной газете «Bataille Syndicaliste»,

при чем Джеймс Гильом редактировал ее окончательный французский текст. Гильом несколько месяцев тому назад имел жестокое столкновение с Бертони по вопросам о синдикализме, и не только с Бертони, но и с Малатестой. Кропоткин в то время стал на сторону обоих итальянцев и утихомирил Гильома. Малатеста, который знал Гильома с 1872 и в последний раз увиделся с ним в 1880, сделал ему неожиданный визит 26 июня. Гильом был в восторге. Он рассказал также кое-что об итальянском движении Альфреду Росмеру для напечатания в синдикальном журнале «Рабочая Жизнь», (5-го июля), а также Жану Граву, который резюмировал его замечания в «Les Temps Nouveaux» от 4-го июля. Статья, которую он послал Граву, получилась слишком поздно для номера от 25-го июля, который оказался последним обыкновенного размера номером этого журнала, ибо вспыхнула война.

Судя по всему этому можно судить, что обо всем, что ему нужно было узнать о создавшемся положении, он услышал от синдикалистов и анархистов Франции и Швейцарии. В Лондоне он прочел лекцию об итальянских событиях в германском анархическом клубе, причем он говорил по-французски, а Рудольф Рокер переводил на немецкий язык. Он возлагал надежды на Италию, — пишет Рокер в своих воспоминаниях о том времени, — и при своем тогдашнем настроении, быть может, не вполне уяснил себе критический характер международного положения.

В самом деле, — скажу еще раз, — если бы европейские рабочие были более активны в то время, когда значительная часть Италии находилась в брожении, то правящий класс великих держав, быть может не решился бы дать оружие в руки миллионов и миллионов рабочих. Но реформистские лидеры в Италии сразу начали клонить дело в сторону «порядка и свободы», а передовые синдикалисты и анархисты ограничились бесплодным литературным и словесным одобрением — поэтому правительства рисковали спустить с цепи демонов войны. Малатеста до конца верил, что они на это не осмелятся, ибо война должна была привести, в конечном сче-

те, к «эпохе страшных революционных потрясений во всей Европе» — и эта эпоха началась в 1917, конец же еще не наступил. Но все, что случилось в странах, принявших участие в войне, было безнадежно проникнуто авторитарным духом и развратило значительные группы в социалистическом движении и в рабочем классе вообще.

Апатия, бездеятельность там, где назревает вооруженная революция — это всегда является непростительным пренебрежением к делу, и за это приходится дорого расплачиваться. Это — приглашение врагу завладеть территорией, которая легкомысленно ему сдается.

* * *

Затем, в августе 1914, началась война. В течение некоторого времени мы мало слышали о Малатесте. Сомневаться в его взглядах нельзя было. Один или два посетителя из Франции не могли оказать на него ни малейшего влияния. Был у него и такой посетитель, который несколько колебался в своих взглядах, и которого ему удалось переубедить. Из числа посетивших его двое отъехали в Америку. Это были: д-р Майкель А. Кон из Нью-Йорка и его жена, ехавшие из Вены (где доктор слушал курсы по медицине) через Швейцарию и Париж в Лондон. Они пришли к Малатесте вместе с Рудольфом Рокером. Он считал положение очень серьезным, но ожидал, что война окончится наступлением великой революционной эпохи. Он с горечью отзывался о позиции Кропоткина, Грера, Черкезова и некоторых других товарищей. Эта встреча имела место повидимому, во второй половине августа. Затем доктор и его жена, вместе с женой Рокера — так как сам он, будучи немцем, не имел возможности оставить Лондон, — отправились в Брайтон, чтобы посетить Кропоткина. Здесь, в личной беседе с Кропоткиным, они с неприятным удивлением познакомились с его взглядами. Беседа неизбежно должна была принять характер горячего спора, тягостного для всех. До или после этого Малатеста посетил Кропоткина и дал финальной сцене, приведшей к их окончательному разрыву, классический отчет в статье, написанной в

декабре 1930 для кропоткинського номера «Пробуждения» (Февраль 1931). Приводить здесь выдержки из нее незначительно. Мне неизвестно, какова была ближайшая причина этого посещения, но, без сомнения, объяснение между этими двумя людьми было неизбежно, так как Кропоткин всеми силами старался привлечь к делу Антанты анархистов и всех вообще, с кем ему удавалось войти в сношения.

Он обратился с письмом в Париж и нашел путь в «Bataille Syndicaliste»; он написал шведским профессорам, которые напечатали его письма; он опубликовал свой ответ на открытое письмо Педро Эстева в «Роботчій Культуре» и поместил также в печати другие статьи, недвусмысленно выражавшие его мнение. Некоторые из наиболее известных анархистов выступили в течение последних месяцев 14 года с возражениями против его взглядов — Ансельмо Лоренцо, Педро Эстев, Луиджи Галеани, Александр Беркман, Рудольф Рокер, несколько молодых русских анархистов, часть группы «Фридом» (Лондон) и др.

Малатеста воздерживался в течение некоторого времени от выступления с публичными заявлениями, насколько мне известно, и его первое высказывание о войне, какое я видел в печати, было вызвано неправильным заявлением в «Инициативе», республиканской газете в Риме. В миланской анархической газете «L'Iniziativa», № 1 от 24 октября 1914 я нашел редакционное примечание: «Франкофилы, спекулировавшие на писаниях Карла Маркса, Бакунина, Мадзини, чтобы найти фразы или мысль в оправдание их умственной aberrации, не предложивши Малатесте высказаться на эту тему, стали распространять слух, что и он также оправдывает войну».

«Чтобы опровергнуть эти ложные сведения, мы воспроизводим краткое письмо, которое товарищ Малатеста послал Луиджи Моллиари».

Доктор Луиджи Моллиари был одним из самых известных итальянских анархистов, специально интересовавшихся вопросами образования, школами Феррера и т. д. Вот это

письмо:

«Дорогой Моллиари,

Я прочел в «Инициативе» статью Малатести, отвечавшую на Вашу статью о войне. Мне встретилась фраза: «Симптоматическое молчание Малатести», которая заставляет предполагать, что я тоже, быть может, оправдываю войну.

Я мог бы просто обойти этот случай молчанием, ибо мне кажется, что достаточно называть себя анархистом, чтобы тем самым заявить, как нечто само собою разумеющееся о своем отвращении к войне и ко всякому сотрудничеству с правительствами и с буржуазией, которые во имя сомнительных интересов и руководясь пережитками атавизма, вызвали разразившуюся над Европой страшную катастрофу.

Я послал несколько статей в «Волонте» (Анкона), но, повидимому, там ничего не получили.

Кроме того, и здесь также почти находится, повидимому, на положении войны. Письма приходят, если только приходят, с опозданием на 10 или 15 дней, и часто бывает заметно, что они подвергались вскрытию. Если это письмо дойдет до Вас, то, пожалуйста, заявите при первой возможности, что мое молчание объясняется личными причинами, а не колебаниями там, где необходимо самое безусловное осуждение войны и всякого участия в ней тех, кто называет себя анархистами.

Как только смогу, я разовью свои мысли об этом предмете.

Любящий Вас Эррико Малатеста».

Мне неизвестно, каковы были те личные условия, о которых упоминает Малатеста. Другие, я надеюсь, выяснят эту подробность. Но это письмо полностью доказывает, что Малатеста не выступал ни с какими письменными заявлениями до того времени, и что его первое выступление сделано было в форме статьи:

«Анархисты забыли свои принципы» («Фридом», Лондон), ноябрь 1914. Эта статья напечатана была также в «Авроре» (Опорто) от 22 ноября, в «Le Reveil» (Женева) 28 ноября, в «Земля и Свобода» (Бар-

селона) от 30 декабря. Мне не пришлось видеть «Волонта» и другие палаянские газеты. Малатеста объясняет, что он не ожидал одобрения войны и добровольного участия в ней даже со стороны социал-демократов, еще меньше того от некоторых анархистов, немногочисленных, но насчитывающих в своей среде товарищей, которых мы любим и глубоко уважаем. Есть войны необходимые, священные войны, войны освободительные, подобно гражданским войнам, т. е. революции. Но что общего между нынешней войной и освобождением человечества? В настоящее время часть социалистов и несколько анархистов объединились с правительствами и буржуазиями их стран. Малатеста допускает сотрудничество всего общества перед лицом стихийной катастрофы в природе, но это требует взаимности. Если, в случае нападения, богатые и привилегированные хотят всем владеть, то социалисты и анархисты должны предоставить их собственной судьбе и ждать случая, чтобы освободиться от внутренних и внешних своих угнетателей. Их долг в том, чтобы делать все, что может ослабить государство и капиталистический класс, и руководиться при этом интересами социализма, воздерживаясь при всех условиях от добровольной помощи.

Малатеста говорит также: ...«Лично я, оценивая по заслугам «бешеную собаку» в Берлине (Вильгельма II) и «старого палача» в Вене (Франца Иосифа), имею не больше доверия и к кровавому царю, и к английским дипломатам, притесняющим Индию и предавшим Персию, сокрушившим Бурскую республику, так же, как не верю я в дипломатов Бельгии, допустивших ужасы Конго и широко использовавших их. Я перечисляю здесь только некоторые из их преступлений, беру их наудачу и не упоминая о том, что все правительства и все капиталистические классы делают против рабочих и бунтарей в их собственных странах...»

Далее: «По моему мнению, победа Германии несомненно означала бы победу милитаризма и реакции; но победа союзников означала бы русско-английское (т. е. кнуто-капиталистическое) господство в Европе и

Азии, развитие милитаристического духа в Англию, клерикальную, а может быть и монархическую реакцию во Франции».

Он считает наиболее вероятным, что окончательной победы не добьется ни одна страна, но потери, истощения приведут к половинчатому миру, оставив все вопросы открытыми и, таким образом, подготовив новую войну, еще более разрушительную, чем настоящая.

«Единственная надежда — революция, и я думаю, что она придет из побежденной Германии. Это всего вероятнее при настоящем положении вещей. Вот причина — единственная причина — почему я желал бы поражения Германии...»

К последнему примечанию придраться Муссолини, бывший редактор социалистического «Аванти» (Милан), энергично работавший над вовлечением Италии в войну, и Эмилио Коста, португалец, писавший в Лиссабонском «Жерминаль». Они обратились к Малатесте с предложением помогать союзникам, раз он предпочитает поражение Германии. На эти софизмы он ответил в «Аванти» в декабре 1914 статей «Об одном пожелании». Муссолини в то время уже принял французскую субсидию, которая дала ему возможность основать газету «Иль Попола д'Италия». Другие итальянские пособники войны, среди которых было несколько анархистов, выпустили манифест о войне, по поводу которого Малатеста высказывался в письме к испанским товарищам от 20-го ноября, напечатанном в «Земля и свобода» (Барселона) 9-го декабря. В этом письме он говорит: ...«Мы никогда не будем солдатами Франции, Германии или Италии, т. е. угнетателями этих стран, но всегда будем борцами за анархию, которая является делом свободы, солидарности и любви ко всем людям... Другое изложение его взглядов появилось в той же самой испанской газете 16-го декабря.

В это же время Кропоткин написал «Антимилитаризм. Хорошо-ли он пошел» (Фридом, ноябрь 1914). Малатеста дал на поставленный вопрос резкий ответ, напечатанный в декабрьском номере лондон-

ской газеты, которая в те месяцы и после смерти ее незабвенного многолетнего редактора Альфред Маш, заняла антивоенную позицию и была сурово осуждена Кропоткиным и его ближайшими друзьями, но поддержана большинством английских лондонских и провинциальных товарищей. Нисколько Малатеста в «Фридом» памятно, ибо оно впервые показало, что он твердо противостоит Кропоткину, критикуя его в корректных, но очень решительных выражениях.

... «По моему мнению, говорит он, антимилитаризм — доктрина, утверждающая, что военная служба — гнусное и братоубийственное ремесло, и что человек никогда не должен соглашаться взять оружие по приказу господ и никогда не должен воевать иначе, как во имя социальной революции»...

... «Кропоткин, повидимому, забыл о вражде классов, о необходимости экономического освобождения, и обо всем анархическом учении; поэтому он и говорит, что антимилитарист всегда должен быть готов, когда вспыхивает война, взять оружие для поддержки «страны, которая подвергнется нападению». Принимая во внимание невозможность, по крайней мере для обыкновенного рабочего, своевременно разрешить вопрос о том, кто является в действительности нападающей стороной, позиция Кропоткина на практике означает, что «антимилитарист» всегда должен повиноваться приказам своего правительства. Что же остается после этого от антимилитаризма, а также и от анархизма?»

(Кропоткин написал в «Фридом», в ноябре): ...«Антимилитарист никогда не должен присоединяться к антимилитаристской агитации, не дав самому себе внутренне торжественного обещания, что в случае, если война вспыхнет несмотря на все усилия предупредить ее, то он окажет полную поддержку и содействие стране, которая подвергнется нападению соседа, кем бы этот сосед ни оказался... Он не раз подтверждал это требование в последние годы, как новое основное условие

для присоединения к новому международному товариществу рабочих, проект которого в то время обсуждался в его кругу, но не был осуществлен.

Малатеста продолжает: «Ясно, что Кропоткин отказывается от антимилитаризма, ибо он думает, что национальные вопросы должны разрешаться прежде социального вопроса. Для нас же национальное соперничество и ненависть является самыми действительными способами правящих для увековечения порабощения рабочих, и мы должны противодействовать им всеми силами. Что касается права малых национальностей на сохранение, если им желательно, их языка и обычаев, то этот вопрос сводится к вопросу о свободе и будет окончательно разрешен тогда, когда государства будут уничтожены и когда каждый будет иметь право вступать членом в любую группу или отделяться от нее».

(Кропоткин писал: ... «Когда наши товарищи проповедывали, что нынешние границы государств должны остаться там, где они есть, и что не следует воевать для изменения, то они делали, я должен сказать, непростительный промах. Они слишком просто смотрели на вещи. Они отказались от обсуждения вопроса о малых угнетенных национальностях, они не позаботились изучить действительное положение обесцененных границами лагерей, как Мец, Мазурские озера и другие подобные сооружения (Примечание: Мазурские озера созданы, разумеется, природой, подобно озерам любой страны. М. Н.), созданные германцами для нападения на своих соседей. (Прим.: Можно думать, что Кропоткин представлял себе Мазурские озера искусственно «сооруженными», движущимися и овладевающими Россией. М. Н.). Эти сооружения должны быть разрушены во имя мира в Европе. (Прим. озерный край, подобный Финляндии, но меньшего размера, пришлось бы «разрушить». М. Н.). Эти товарищи отказались принять и соображение вассальные условия, в которых малые нации, как Бельгия и Сер-

бия, поставлены по отношению к их общественным соседям. Они сказали: «Это — политика» — и этим отделались от вопроса».

(Лично я просил бы разрешения сказать, что все анархисты, которых я слышал, проповедывали необходимость уничтожения всех границ, а не оставления нынешних — до 1914 — границ там, где они находятся теперь. Кропоткину же казалось, что настоящая задача в том, что бы помочь малым государствам отвоювать себе территорию и таким образом стать большими; на деле, таковы были требования их местных националистов, и таким претензиям анархисты не сочувствовали. М. Н.).

«Мне очень тяжело — пишет Малатеста — выступать против такого старого и любимого друга, как Кропоткин, так много сделавшего для дела анархизма. Но именно потому, что все мы так любим и уважаем Кропоткина, необходимо сделать известным, что мы не идем за ним в его выступлениях по вопросу о войне».

«Я знаю, что эта позиция Кропоткина не нова, и что больше 10 лет тому назад он агитировал против «немецкой опасности», и я признаю также, что мы были неправы, не придавая значения его франко-русскому патриотизму и не предвидя, куда его приведет его антигерманские предубеждения. Мы понимали, что он имел ввиду призвать французских рабочих к отпору против германского нападения путем социальной революции, т. е. путем овладения французской землей и попытки убедить германских рабочих побрататься с ними в борьбе с французскими и германскими угнетателями. Нам, конечно, никогда и в голову не пришло бы, что Кропоткин способен призвать рабочих действовать совместно с правительствами и господами».

(Здесь Малатеста имеет ввиду то, что Кропоткин писал в 1905 году в статье «Антимилитаризм и революция») «Les Temps Nouveaux» от 28-го октября 1905 и в письме в газете «Le Temps» в Париже от 31-го октября, датированном 21

октября. К этим документам надо здесь обратиться, чтобы сделать вполне понятным до какой степени то, что он утверждал в 1905, отличается от того, что он доказывал в 1914. Затем он написал в ежедневную газету «Temps», наиболее влиятельную из французских газет, в вопросах иностранной политики... «Единственной платиной, способной противостоять германскому нападению, будет народная война, революция. Это следует предвидеть и открыто говорить в будущем, начиная с сегодняшнего дня. Таков был совет и призыв Бакунина в 1870 и таково же было мнение Кропоткина в прежнее время, когда он писал в «Le Revolte» («Что делать»), в конце 1886 или в начале 1887): ... «Средством должна быть социальная революция, Коммуна, Париж, Лион, Марсель, Бордо, ставшие коммунами..... Париж, ставший коммунистической коммуной, явится единственным оплотом, который мы сможем противопоставить германской батарее»... Взбунтовавшиеся крестьяне, захватившие землю, представлялись ему в то время «единственной плотинкой против иностранного завоевания»...

Все это в 1914, повидимому, исчезло из памяти Кропоткина, тогда как его друзья хорошо об этом помнили. Таким образом, любое из заявлений, сделанных Малатестой, было безупречно правильным.

Из числа лондонских интернациональных товарищей, Черкезов стал на сторону Кропоткина очень рьяно и совершенно отделился от Малатесты и от своих других старых друзей по собственному своему желанию. Рокер описывает в своих записках дискуссию товарищей разных национальностей, собравшихся в редакции «Фридом». Черкезов прилагал все усилия для защиты своей точки зрения, но безуспешно... «Малатеста, несколько раз резко прерывавший Черкезова, едва в состоянии был сдержаться. Его черные глаза метали искры. Я никогда не видел его в таком возбуждении, как в тот вечер»... Это происходило приблизительно в середине ноября. Позднее был составлен интернациональный манифест, и хотя Малатеста

не был автором его, но он его подписал. Повидимому, манифест был послан в Нью-Йорк, Женеву, Голландию для подписания и был подписан многими из самых известных анархистов того времени. Назову здесь только тех из них, о которых сохранилась память до сего времени: Леонард Д. Абботт, Александр Беркман, Эмма Гольдман, Гарри Келли, Г. Хэйвел, С. Яновский, Джозеф Ж. Коген, В. Шатов в Соединенных Штатах, — Луиджи Бертони, Карло Фриджерио, И. Рошин в Швейцарии, — Ф. Домела Ньюенгейс, Г. Риондерс, С. Ж., С. Шермерхорн в Голландии, — Джордж Баррет, Томас Г. Кинл, Лилиан Г. Вульф, Александр Шапиро, Эррико Малатеста, И. Реабони, Виченте Гарсиа, Педро Валлина, жившие в Лондоне. Интернациональный Анархистический Манифест о войне (февраль 1915) был напечатан по-английски, французски и немецки и помещен в «Фридом» 1-го марта 1915. Манифест заявляет: ...«Роль анархистов в нынешней трагедии, независимо от места или положения, в каком они находятся, состоит в том, чтобы провозглашать, что допустима только одна война — за освобождение, — та война, которую во всех странах ведут угнетенные против угнетателей, эксплуатируемые против эксплуататоров. Наша задача состоит в том, чтобы побуждать рабов к возманию против своих господ».

Так как я не могу сделать справку ни в «Волонте» (Анкара), куда Малатеста, по всей вероятности, посылал свои статьи в те месяцы, ни в других итальянских газетах, где его личные заявления, письма и полемика могли печататься, то у меня нет возможности дать здесь более полные сведения. Но длинную статью в «Волонте» — «Во время резни» можно найти также в «Le Reveil» от 3-го апреля 1915 и в «Земля и Свобода» от 21-го и 26-го. Она помещена Лондоном, 26 марта 1915.

В этой статье Малатеста спорит с итальянскими анархистами, сторонниками войны, и среди других вопросов рассмат-

ривает требования националистов. ...«Мы — космополиты. Для нас вопрос о так называемой национальной независимости имеет значение лишь, как вопрос о свободе. Мы желаем, чтобы каждая группировка людей могла жить в условиях, какие она предпочитает, и была бы вольна соединяться с другими группами или отделяться от них по своему желанию. Другими словами, мы считаем, что вопрос о национальности отступает в области идей, как он отступает и в области фактов, перед экономическими интересами, культурой, личными и классовыми связями, которые все имеют тенденцию становиться все более интернациональными»...

Однако Малатеста понимает, что под иностранным управлением и угнетением вопросы свободы и экономического освобождения принимают националистический вид и в этом отношении он сочувствует национальным восстаниям так же, как сочувствует он и всякому восстанию угнетенных. Малатеста стремится, чтобы все это было сделано и закончено, но лишь для того, чтобы очистить путь для лучшего использования энергии. Он понимает, что в современной войне национальная независимость меньше всего интересует стоящих у власти. Они хотят, чтобы Австрия принуждала национальные меньшинства принимать участие в войне, но то же самое делают Франция в Африке и Англия в Индии. Англия во время войны захватила Кипр, укрепила свое владычество в Египте и повсюду, где могла. Сербия, стремясь захватить все, связанное с сербской национальностью, захватила попутно и Македонию. Россия, вступив в Галицию и Буковину, уничтожила даже дарованную Австрией жалкую автономию, а Франция предала смерти повстанцев в Марокко и сожгла их жилища. Если бы эти нации провозгласили независимость подчиненных им народов, а затем обратились к ним за помощью против германского преобладания и в защиту независимости всех народов, тогда Малатеста мог бы понять энтузиазм социалистов и анархис-

тов по поводу войны. Но скажите это членам правительства, сэру Эдварду Грей, лорду Китченеру или Паункэрэ, и они пошлют вас в дом умалишенных.

В этом духе Малатеста обсуждает многие проблемы, а также надежды, возлагаемые на Конгресс Мира, который неизбежно превратится в «рынок, где сильные будут распоряжаться народами, как стадами скота».

Он видит только один путь — братание пролетариев всех армий. Но можно ли этого ждать, когда социалисты и организованные рабочие почти все стали верноподданными, хорошими солдатами, хорошими патриотами. Все-же он предвидит, что из неисчислимых бедствий возникнет всеобщее возмущение — и это мнение его было его глубоким убеждением до тех пор, пока не стало очевидным, что предстоит истощение Америки в войну.

Тогда, в мае 1915, ему пришлось увидеть, что Италия также, добровольно, в результате заключенной в Лондоне сделки, оказавшейся для нее более выгодной, чем предложенная Австрией и Германией сделка, объявила войну. Он написал статью «И Италия также» («Risveglio» от 12 июня и «Фридом», июнь 1915). Эта статья была написана горечью и болью, ибо Малатеста видел, что значительная часть работы всей его жизни была уничтожена.

«Удивительно и унижительно видеть, как легко массы могут быть обмануты грубой ложью.

«В течение всех этих томительных месяцев итальянские капиталисты обогатились на продаже по повышенным ценам в Германии и Австрии огромного количества предметов для нужд войны. Итальянское правительство пыталось продать центральным империям итальянский нейтралитет в обмен на уступку ей новых земель и присоединение их к владениям савойского короля. А теперь, не получив всего, что им нужно, и найдя более выгодным для себя соединить свою судьбу с судьбою Антанты, они беззастыдно толкуют о том, что они — безсеребренники, страстно желающие

рыцари, защищающие цивилизацию и мстящие за «бедную Бельгию». Однако, их маска весьма прозрачна. Они говорят, что идут на войну во имя освобождения народов от иностранного завоевания, и стараются соблазнить молодых людей славными воспоминаниями о борьбе Италии против австрийской тирании. Но в то же время он пытается привести к покорности арабов в Триполи, хотя удерживать за собой греческие острова, «временно» занятые во время войны с Турцией (1911-12), они требуют территорий и привилегий в Малой Азии, они занимают часть Албании, которая, конечно, ни в каком смысле не является итальянской землей, и претендуют на присоединение Далмации, где итальянцы составляют очень незначительный процент населения. Они претендуют на каждую страну, которую могут, или думают, что могут, захватить и удержать. Одна страна должна принадлежать Италии потому, что была завоевана древними римлянами, другая — потому, что там находилась когда-то венецианская торговая фирма, третья — потому, что там живет много иммигрантов итальянцев, четвертая — потому, что она необходима для безопасности Италии, и любая другая страна в мире должна принадлежать им же, потому, что она может быть полезна для развития итальянской торговли... Каждое слово из сказанного здесь оправдалось во время мирного договора 1919 г., а также на примере заявлений Муссолини и его постоянных требований денежного вознаграждения. Каждая нация из числа тех, которые одержали верх зимой 1918-19, предъявила такие же требования на Парижской Конференции 1919 года, переделавши карту Европы и придавши ей форму гораздо более близкую к средним векам, чем к новейшему времени.

Малатеста был особенно огорчен поведением республиканцев, которых в течение 1913-14 годов, по крайней мере их молодежь из рабочего класса, он начал уважать в качестве факторов прогресса. Но он все-же надеялся и был уверен...

«что как только военная лихорадка утихомирится, мы будем в силах начать снова нашу собственную войну — войну за человеческую свободу, равенство и братство — и при том, в лучших условиях, чем прежде, ибо изрод только что получил новый урок и при том какой ужасный!».... Здесь мы видим старого, неукротимого бунтаря снова готовым к работе во имя Итальянского Возстания, долженствовавшего последовать за Итальянской Войной...

Начиная с того времени, в течение почти года, 1915-1916, я не имел никаких известий о жизни Малатесты в Лондоне. Женевские газеты и «Фридом» хранили молчание, и у меня нет возможности навести справку в итальянских газетах Соединенных Штатов и Южной Америки или в испанских и аргентинских газетах того периода. Нет никакого сомнения, что с тех пор, как Италия стала союзницей Англии за Малатестой еще более усилили наблюдение и еще более тщательно просматривали его корреспонденцию, чем прежде. Очень многое из того, что он искал или намечал, не подлежит, по всей вероятности, опубликованию. Кроме того, он еще ранее достаточно ясно изложил свою точку зрения. Я надеюсь, что личные воспоминания и письма еще прольют свет на этот период.

Он несколько раз посетил Рудольфа Рокера, находившегося в германском концентрационном лагере в северном Лондоне. В мае 1916 г., согласно записи Рокера, Малатеста ожидал, что Германия окажется сломленной раньше других, но что и союзные державы также окажутся ослабленными, и что не будет ни победителей, ни побежденных — наилучшая гарантия успешного европейского возстания. Если бы однако Соединенные Штаты вступили в войну, то победа союзников была бы полной и «в течение ближайших пяти или десяти лет реакция во Франции взяла бы бразды правления в свои руки», — большая опасность для развития европейской социальной революции, по мнению Мала-

тесты.

Возможно, что он не выступил бы с публичным заявлением в 1916, если бы особенно неприятная случайность не побуждала его к этому. Когда первое предложение центральных держав вступить в переговоры о мире были отвергнуты союзными державами, то парижские группы, находившиеся в тесных сношениях с Кропоткиным нашли нужным выпустить декларацию, решительно предостерегающую против преждевременного мира и требовавшую продолжения войны. Этот жестокий документ — после 19-ти месяцев войны и перед перспективой еще тридцати двух месяцев такой же войны — помещенный 28-го февраля 1916, был опубликован за их подписью в «Bataille Syndicaliste» (Париж) от 14-го марта, затем в «Federation» (Лозанна) от 14-го апреля и в форме «Вюллетения» № 1 в мае 1916 в Париже (8 страниц в 16°). Последние два издания были снабжены добавочными подписями, но обычно этот документ назывался «декларацией 16-ти», несмотря на то, что много лет спустя было установлено, что всех подписей было 15, и что название местности в Альжире было включено по ошибке.

Это выступление анархистов с целью предотвратить окончание войны вызвало негодование, и Малатеста написал тогда статью «Анархисты, поддерживающие правительство» («Фридом», апрель 1916), которая появилась также в «Le Reveil» от 1-го мая, а в Париже была напечатана нелегально в форме брошюры «Ответ Малатесты на манифест 16-ти. Анархисты, поддерживающие правительство» (7 стр. в 16°). На итальянском языке статья была напечатана в «Risveglio» от 1-го мая 1916.

Малатеста сдерживался, хотя и протестовал против покушения «втянуть анархистов в мировую бойню». Если бы даже — «что весьма далеко от правды» — вина за войну пала только на Германию, то и тогда с ее милитаризмом можно было бы вести борьбу только силами более

мощного милитаризма, поэтому Англия и Франция оказались опущенными, подчинились царизму и возстановили престиж колебавшегося трона Италии. Могут-ли анархисты, приемлющие это, по прежнему называть себя анархистами? Малатеста приходит к заключению, что такое сотрудничество с правительствами логически должно стать постоянным, ибо правительства всегда будут чувствовать себя угрожены со стороны правительств и армий чужеземных стран, и, таким образом, такие анархисты должны быть подготовлены к тому, чтобы опять стать вербовщиками рекрутов для правительств. Во имя человечности Малатеста возвысил свой голос и заявил: «...мне кажется преступным делать что бы то ни было для продолжения войны, этой бойни людей, которая разрушает общественное достоинство и препятствует возобновлению борьбы за освобождение»...

Ф. Домела Ньюенгейс выразил свое согласие с Малатестой (его письмо было опубликовано 15 мая), но Кропоткин выступил в самом гневном тоне против аргументации Малатесты в письме к парижскому товарищу Жаку Герену (от 20-го июля 1916), напечатанном в «Тан Нуво» от 15-го февраля 1920 — напечатанную в то время, когда он, будучи еще живым, находился далеко в Дмитрове и не мог принимать участия в издании этого журнала.

В упомянутом письме Кропоткин бегло анализирует этнические особенности германцев, как они ему представлялись. Было бы интересно сравнить его мнения с мнениями по этому же предмету Малатесты, изложенными несколькими месяцами ранее одному испанскому товарищу, написавшему на основании этого посещения и беседы статью «Малатеста», опубликованную Анжел Самбланкат в «Земля и Свобода» (Барселона от 10-го мая 1916). Кропоткин утверждал, что его заключения основаны были на германских источниках и на некоторых личных знакомствах. Все же Кропоткин никогда не жил в Герма-

нии, ибо он не был бы там в безопасности. Малатеста также не жил там и не имел возможности, в противоположность Кропоткину, изучать немецкий язык с детства и всегда просматривать германские источники, когда нужно. Но любопытно, что он стал самоучкой изучать язык и научился медленно читать по-немецки за несколько лет до войны, в чем ему помогло его хорошее знание английского языка, в котором так много саксонских слов. Малатеста не был также исследователем исторической эволюции, подобно Кропоткину, тем не менее, сравнивая степень проникновения в сущность предмета, обнаруженную Кропоткиным в его письме к Герену, с пониманием вопроса, обнаруженным Малатестой в беседе с Самбланкатом, никто из людей, обладающих опытом, я убежден, не станет колебаться и легко определит, на чьей стороне было правильное понимание и добросовестное суждение, а на чьей стороне была ослепляющая страсть.

Испанскому товарищу Малатеста еще раз изложил свое мнение:

... «В конце концов, быть может лучше, что Германия потерпела поражение. Таким образом революция вспыхнет и германская революция может стать огромной». Он прибавил, что: «худшей частью этой войны являются неистощимые резервы покорности, низменного сервилизма, стадный дух, обнаруженный душою народов. Какой обезкураживающий фатализм! С какой покорностью народы позволяют вести себя на бойню! Ни протеста, ни искры бунта! Это может обяснить, почему французский воинствующий анархист тех лет, принадлежавший к окружению Пьера Мартена и парижского «Либертера» Кутан, встречавшийся с Малатестой в то время, говорил позднее о своем малом доверии к рабочему движению (см. «Сеятель», Кан, 23-го февраля 1927). От Кутана Малатеста слышал, вероятно, об антивоенных подпольных течениях в парижской анархической и синдикальной среде, о попытках, которые здесь делались, но безрезультатно».

татно, оказать влияние на общественное мнение и на взгляды социалистов. 20-го октября 1917 Малатеста написал Армандо Борги (это письмо было опубликовано в синдикальном журнале «Война Класов») ... «Парламентарный интернационал без- славно умер в августе 1914. За исклю- чением итальянских, русских и балкан- ских членов, в большинстве оставшихся верными классовой борьбе, почти всех их сторонники стали орудиями своих прави- тельств и своей буржуазии»... Таково бы- ло положение повсюду после августа 1914 и оно мало изменилось даже теперь, 20 лет спустя.

Затем русская мартовская революция 1917 показала Малатесте, что он предви- дел правильно, и что Власть и Капитал начали теперь дорого расплачиваться за свои преступления на протяжении многих веков и за гнусное деяние, увенчавшее этот ряд преступлений — мировую вой- ну. Во время посещения Рокера в июне, он сообщил ему о своем желании поехать в Россию. Ему еще ранее того было отказано в паспорте, и он задумал поехать в Стокгольм, где собралось много социалистов для обсуждения вопросов вой- ны — хотя социалисты нескольких стран, напр., Франция, не получили разрешения на поездку в Стокгольм. Малатеста ожи- дал, что ему разрешат поехать в Стокгольм по такому поводу, а отсюда он рассчитывал добраться до России нелегально, тем или иным путем. Он намеревался познакомиться с формой и настроениями огромных русских народных движений весны и ле- та того года.

Однако, итальянское и британское правительства пришли, повидимому, к со- гласию о том, что Малатеста раз навсе- гда должен оставаться в Лондоне. Поэ- тому он написал Бертони 23-го июня 1917: «... Я здесь, как в тюрьме. Пови- димому всю мою корреспонденцию пере- хватают. Из Италии я не получаю от- вета даже на телеграммы с оплаченным ответом. Я хочу покинуть Англию, но

возникает тысяча затруднений: я пред- принимаю шаги, чтобы получить необхо- димые пропуска, но не знаю, удастся-ли это мне». Как видно из его письма к Борги (20-го октября) его «редкие писа- ния всегда имели дурной конец», т. е. ни- когда не доходили по назначению. План с поездке в Россию очевидно был эфемер- ным — его твердым намерением всегда было вернуться в Италию. Он мечтал о новом интернационале, который был бы назван «Мировым» («La Mondiale»). Он глубоко чувствовал необходимость вдох- нуть в этот новый интернационал идеа- лизм, ибо он «чувствовал себя убежден- ным, что рабочие организации, предостав- ленные самим себе, без воздействия на них идеалистического бродила, вместо то- го, чтобы становиться более радикальны- ми, усваивать более широкие и человече- ские революционные убеждения, становят- ся, вместе со своим развитием и усили- лением, лишь более извращенными мораль- но и кончают тем, что превращаются в организации с самым узким корпоративиз- мом и эгоизмом»...

Таким образом, Малатеста остался на два года в Англии и жил здесь, не полу- чая разрешения уехать в свою родную страну, до тех пор, пока он в конце 1919 не перехитрил все власти Англии, Фран- ции и Италии, нелегально уехав на уголь- ном парусном судне из Кардифа в Геную. В течение этих двух лет он делал, разуме- ется, все, что мог, чтобы возобновить свои связи и положить начало будущей борьбе в широком масштабе. Мы видим анар- хистов разных оттенков, отбрасывающих свои разногласия, мы видим Малатесту, жаждущего добиться относительного сотру- дничества между различными передовыми рабочими группами. Но трагедия Мала- тесты была в том, что он был вдали от Италии и не мог во время заняться воп- росами местной пропаганды и организа- ционного расширения двух абсолютно раз- номыслящих групп: до-военных социали- стов и анархистов типа Муссолини и Танк- реди, ставших националистами, а затем и

фашистами, — и социалистов, загипнотизированных большевизмом, которые с тех пор стали служить лишь диктатуре и выполняли приказания Москвы. Эти две группы были смертельными врагами либертарного восстания. Вне их оставались только социалисты, стремящиеся лишь вернуться к старой парламентской рутине, быть допущенными буржуазией к власти. Это делало их врагами всякой революционной перемены до тех пор, пока не стало слишком поздно: фашизм поднял голову и отбросил социалистов в небытие и изгнание. Когда Малатеста получил, наконец, в начале 1920 возможность свободно разъезжать по Италии, он повел героическую агитационную работу вплоть до осени. Италия опять была в тот момент близка к революционному восстанию. Фабрики были заняты рабочими металлистами северных городов. И опять, как в 1914, реформистские лидеры сломили это движение. В октябре Малатеста попал в тюрьму на много месяцев. Когда он вышел из тюрьмы, фашизм уже одержал верх и до сих пор остается у власти.

Оглядываясь назад на позицию Малатесты по отношению к войне, и оценивая ее на основе перечисленных здесь материалов и при свете всей его жизни, мы приходим, как мне кажется, к выводу, что Малатеста не был врагом всех форм войны, что он с уважением и сочувствием относился к войне за хорошее дело, т. е. к войне в защиту независимости и свободы, что видно на примере его отношения к арабам в Триполи, ведшим войну против итальянского завоевания в 1911.

Если бы он считал мировую войну в какой-нибудь степени войною для законной защиты независимости, то я не сомневаюсь, что его сочувствие было бы на той или на другой стороне. Правда, однако, в том, что он не считал мировую войну такою войною. Факты доказывают, что он был недоступен аргументам такого характера с любой стороны, он считал обе стороны эгоистичными, захватческими, ищущими выгод, обе стороны считал виновными, — и это заставило его безуслов-

но воздерживаться от помощи той или другой стороне или сочувствия к ним. Эта позиция довольно интересна для оценки мировой войны, ибо эту позицию занял человек, 45 лет неустанно размышлявший над политическими вопросами и обладавший большим опытом в этой области. Он нашел, что положение вещей в 1914 было таково, что ни одна из сторон не была достойна поддержки и что обе они воевали во имя государства, во имя капиталистических и националистических себялюбивых интересов.

Я закончу выдержкой из написанного им в 1924 по вопросу о мире: ...«Воистину злодейским миром оказывается этот мир, последовавший за мировой войной, ибо он состоит из несправедливости и нарушений, причиняющих безконечные материальные и моральные страдания, ибо он несет в себе зародыши новых войн, которые, причинив огромные разрушения общественно-го достояния и вызвав колоссальную бойню, приведут к не менее злодейскому миру, снова исполненному несправедливостей, предвестнику новых войн. Таков рок системы, монотонная история связей между государствами и классами, и так будет до тех пор, пока будут существовать соперничающие государства и привилегированные классы, ведущие между собою борьбу за монополию в деле эксплуатации природных богатств и людей, превращающих эти природные богатства в ценности.

Эта мысль выдвигает тот основной принцип, что там, где существуют государства, война, монополия и капитализм, там классовая война неизбежна и перманентна. Только уничтожение государства — анархизм — и уничтожение монополии — социализм — могут создать гармоничную и проникнутую дружелюбием общественную жизнь. Таковы жестокие факты, которые, после стольких усилий, убеждений и доказательств со стороны либертарного движения, мировой кризисе, вышедший из мировой войны, вбивает в самые тупые мозги.

М. НЕТТЛАУ.

12-го января 1933.

ЭНРИКО МАЛАТЕСТА.

РЕСПУБЛИКА И РЕВОЛЮЦИЯ

ИЗЪЯВЛЕННАЯ нами готовность принять участие во всяком революционном движении, направленном к завоеванию большей справедливости и свободы, а также недавние заявления одного из наших товарищей, вышедшего некоторым образом за пределы своей подлинной мысли в ряде набросанных им наспех газетных статей — все это дало повод лицам, не ознакомившимся в достаточной степени с сущностью наших идей, полагать, будто бы для нас приемлема хотя-б временная республика, прикрашенная ради этого случая, атрибутами **социальной и федеративной**.

Находясь даже чудачки, присылающие нам статьи по вопросам республиканской пропаганды, с полной уверенностью, чтобы мы не замедлили их напечатать — словно издание наше является органом республиканцев.

Дальнейшее обсуждение этого вопроса могло бы показаться излишним, если принять во внимание, что общая тактика анархистов не оставляет никаких сомнений относительно истинного характера их взаимоотношений с республиканцами.

В действительности, однако, недоразумение это заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее, ввиду той опасности ассимиляции (слияния), которая имеет место при переходе от пропаганды к практической деятельности — поскольку здесь приходится координировать свои начинания с попытками всех прочих участвующих в борьбе революционных сил.

Ибо весьма трудно подчас разграничить на практике **полезную кооперацию** в борьбе с общим врагом — **растворение** (диффузии), приводящее слабейшую сторону к отказу от намеченных ею специфических принципов и целей.

В вопросе о республике чрезвычайно важно прийти к взаимному пониманию, так как более чем вероятно, что результатом того решительного движения, в которое вовлекается с большей или меньшей стремительно-

стью Италия, будет установление в стране республиканского режима. И поскольку это так, я считаю своим долгом заявить во всеуслышание, что принимая республику, мы не только предали бы свое дело как анархисты, но изменили бы своим идеалам свободы и равенства — идеалам, осуществления коих лучшая часть республикански настроенного пролетариата, (а те молодые люди, которые примкнули к рабочим под влиянием чувства справедливости, не взирая на свое привилегированное социальное положение) надеется достигнуть через посредство республики.

Мы говорим, что на смену существующему в Италии режиму придет республиканская форма правления: действительно — такая другая система политического попустительства и потворства могла бы послужить заменой тех институций, которые были даны нам фашизмом, и судьба которых связала неразрывно с участью фашистского движения? Мы не претендуем здесь на роль пророка или провидцев грядущих событий и не беремся предсказывать как долго еще продлится владычество фашизма — тем паче, что наши личные симпатии и пожелания, боюсь, настроили бы нас на чрезмерно оптимистический лад; но да позволено нам будет надеяться и верить, что Италия недолго еще будет терпеливо сносить этот насильственный возврат к эпохе средневекового варварства и рано или поздно сумеет избавиться от тяготеющего над нею ярма. Но — что же дальше?

Для того, чтобы всколыхнуть и увлечь народные массы, необходимо предложить им нечто конкретное, что могло бы быть немедленно проведено в жизнь — и правота в этом смысле всецело на стороне народа, ибо мы не можем существовать на основе голого отрицания, и, в случае невозможности создать что-либо новое, обращаемся с фатальной неизбежностью к старому — «вспять».

Возврат к условиям, существовавшим до войны и перед фашистским переворотом пред

ставляется нам немислимым: с другой стороны такая реакция явилась бы величайшим злом, к предотвращению коего мы обязаны принять всевозможные, зависящие от нас меры. Идеальная сущность анархии до сего времени еще не сознана народным большинством, и было бы неразумным рассчитывать на то, что широкие массы в состоянии будут самостоятельно, без чьей бы то ни было указки, организовать свое социальное бытие, на почве свободного соглашения, не ожидая предписаний со стороны вожаков и не повинувшись какому бы то ни было рода наущениям, влияниям и советам.

Если не считать незначительного меньшинства, возвысившегося до сознания анархических концепций, народ в массе своей успел привыкнуть к своему подчиненному положению, а если и сбросит настоящее правительство, то лишь для того, чтобы поставить на его место другое, в надежде, что замена эта послужит ему на пользу.

Признавая, таким образом, нежелательным возврат к лицемерию конституционно-монархического режима, который привел бы нас снова к фашизму, в тот момент, когда благополучие монархии и приютившейся под ее крылышком буржуазии подвергалось не посредственной опасности нового краха; исключая, с другой стороны, анархию в виду отсутствия необходимых условий для ее непосредственного осуществления, мы предусматриваем в итоге только две возможности: республику — или, так называемую, коммунистическую диктатуру.

Успех, последней, хотя бы временный, представляется нам маловероятным ввиду того, что число коммунистов в Италии все еще незначительно; присущие им авторитарные тенденции вряд ли будут импонировать движению, которое явится по существу, взывом, вызванным стихийной жаждой свободы: наконец многочисленные трудности, связанные с проведением в жизнь их программы наряду с печальными результатами русских экспериментов, ведущих страну обратно к капитализму и милитаризму — все это так же не может способствовать успеху их идеи.

Остается, таким образом, единственная

возможность — Республика, которой обеспечены симпатии и поддержка не только со стороны ее прямых приверженцев (республиканцев), но и со стороны социал-демократов и той части пролетариата, которая жаждет перемены, не имея в то же время ни каких определенных перспектив, а также широких кругов буржуазии или среднего класса, всегда готового поддержать всякую реальную власть, поскольку она способна, в его глазах, обезопасить желанное спокойствие и «порядок» — каковой для буржуазии есть не что иное, как охрана ее экономических привилегий.

Но что же такое по существу представляет собой Республика? Республиканцы, — или, по крайней мере, те из них, кто искренно желает преобразования социального строя и, следовательно, ближе всего к нам, анархистам, — как мне кажется, не вполне отчетливо уяснили себе сущность республики, как определенной государственной формы. «Их республика», утверждают они, в отличие от всех прочих будет подлинной **социальной и федеративной**, — иными словами, она экспроприирует или по меньшей мере, обложит подоходными налогами капиталистов, передаст землю крестьянам, будет способствовать всеми мерами переходу орудий производства в руки рабочих организаций, будет свято чтить все свободы, все индивидуальные, корпоративные и местные автономии, и т. д. и т. п.

Перед нами, по существу, перспектива либо **анархии**, либо **диктатуры**: анархии — если все эти превосходные обещания будут осуществлены благодаря усилиям передового меньшинства, которое, по низвержении правительства — или путем политики пассивного сопротивления будет постепенно проводить свои попытки и начинания, стараясь словом и добрым примером привлечь к себе широкие массы населения и убедить его в своей правоте: диктатуры — если оно намеревается насильственно захватить в свои руки власть и применять насилие при проведении в жизнь своей программы; но так или иначе — во всяком случае не республика. Ибо республика есть единственная, истинно — демократическая форма пра-

вления — в том смысле, что это есть проявление народного большинства через посредство избранных им свободно представителей.

Гражданин республики, таким образом, имеет возможность выражать открыто свои пожелания и волю, вправе заявить о своей ориентации в качестве избирателя, а равно и о тех предложениях, которые он внес или поддерживал. Будучи избранным в качестве народного представителя, он не в состоянии предугадать и учесть заранее какого рода республику даст ему парламент (или конституционное собрание, как его можно было бы назвать в этом случае), избранный с целью создания новой конституции и формулирования основных (конституционных) законов. Некоторый прогресс, правда заключается в отсутствии короля и назначении им консервативного органа — сената, но практическое значение этой формы велико, так как доминирующей и решающей силой в современном государстве является капитал, и пресловутая власть. Короны, суть не что иное, как орудие фашистов, умеющих стилично обходиться и без нее, отнюдь не в ущерб своему вредноносному влиянию в силе. В конце концов, если республиканцы действительно стремятся к осуществлению капитализма, т. е. системы, предоставляющей право и возможность извлекать доход из чужого труда посредством монополизирования орудий и средств производства — отчего же им не покончить раз навсегда со всякого рода двусмысленностями и не объявить себя открыто социалистами? В действительности как мне кажется, если они и ставят своей целью улучшение условий жизни малоимущих классов и посильное смягчение эксплуатации, то с другой стороны все права собственника на продукты чужого труда будут оставлены ими в полной неприкосновенности, и тем самым они будут поощрять все то зло, источник которого заключается в праве капиталистической собственности.

Посмотрим, далее, к чему сводится, по существу, провозглашаемый ими принцип федерализма.

Признают ли они за каждой общиной

или областью право свободного выхода из федерации и заключения союза, по собственному выбору и усмотрению, с какой либо иной государственной организацией, если это представится для нее более выгодным и целесообразным? Предоставляют ли они каждому члену федерации право отказа от оказания военной и финансовой поддержки центру в тех предприятиях, которым он по тем или иным причинам не сочувствует? Боюсь, что нет, так как при таких обстоятельствах национальное единство базировалось бы исключительно на свободной воле федерации, вне какого бы то ни было принудительного воздействия со стороны государственного центра; подобная система, я полагаю, ни в коей мере не согласуется с основными традициями и воззрениями республиканцев. В действительности здесь возможна только принудительная федерация подобно Швейцарской, Германской, или Американской, в которой отдельные члены всегда являются подчиненными центральной власти, и которая мало чем отличается от обычного единого государства. Каким же образом, при всем том и в силу каких соображений возможно наше объединение с республиканцами в том или ином движении? Объединиться с ними мы могли бы под знаменем Революции, точно так же, как, с другой стороны, действовали бы заодно с коммунистами в деле экспроприации буржуазии, если бы они согласились провести эту меру в порядке общереволюционного, не дожидаясь установления излюбленной ими государственно-коммунистической диктатуры; все это отнюдь не означает, однако, что мы превратились бы в республиканцев, или приверженцев государственного коммунизма. Следует всегда отличать собственно-революционное движение, отбрасывающее все, что оказывается возможным отбросить из старого режима и замещающее новыми революционными образованиями и институтами — от утверждающегося впоследствии правительства, превращающего развитие революционного процесса и пытающегося обычно урезать по мере возможности наиболее ценные завоевания революции. Ибо все уроки истории свидетельствуют о том, что приве-

сенные революцией улучшения достигаются неизменно в периоде народного восстания, когда либо не существует вовсе никакого признанного правительства, либо оно еще настолько слабо, что не в состоянии открыто наложить свою руку на революцию.

Позже, когда правительство в достаточной мере упрочится, начинается неизбежная реакция, служащая всегда интересам старых и новых приплетированных классов и отнимающая у народа все завоеванные им преимущества и права.

Наша задача, таким образом, заключается в том, чтобы творить — или способствовать революции, используя все благоприятные обстоятельства и случайности, равно как и все находящиеся в нашем распоряжении силы. Мы должны ускорять и углублять, по мере возможности, революционный процесс, не только в области разрушения, но наряду с тем — и по преимуществу в

области созидательной, — и вместе с тем мы должны оставаться в неизменной оппозиции к какой бы то ни было власти, игнорируя ее или борясь с нею активно, поскольку это окажется в наших силах. Республиканское конституционное собрание, в такой же мере как и монархический парламент, не может рассчитывать на наше признание. Существование его является для нас приемлемым, поскольку это совпадает, в настоящий момент, с наступлением широких масс; возможно, даже, что нам придется бороться плечом к плечу против различных попыток реставрации, с чьей бы стороны они ни исходили; но мы всегда будем требовать полной и совершенной свободы для тех, кто, подобно нам, верит в возможность существования вне опеки и гнета государства, пытаюсь словом и добрым примером способствовать распространению своей идеи.

Ибо, будучи революционерами, мы прежде всего и превыше всего Анархисты.

В КАЧЕСТВЕ ИТАЛЬЯНЦЕВ

В последнем номере нашего издания мы оплакивали, в связи с убийством Маттеоти, тот факт, что итальянский народ несет безропотно иго фашизма. Причем, говорили, что делаем это «не без горечи и чувства стыда, которое мы переживаем не только как люди, но и как итальянцы».

По этому поводу один из товарищей замечает: «Что значат эти слова «но и как итальянцы», в которых можно заподозрить еще не вполне изжитое влияние национализма? Разве необходимо быть итальянцем, разве недостаточно быть вообще человеком, чтобы чувствовать ужас кровавого преступления?» На это мы ответим следующее: достаточно, чтобы испытывать ужас, но не чувство стыда, так как последнее обуславливается сознанием своей ответственности. Да не усомнится уважаемый товарищ, что мы всегда были и остаемся интернационалистами, или, скажем лучше — космополитами. Мы называем себя гражданами мира, вселенной; мы связаны узами братства и любви со

всеми людьми, независимо от их места рождения, национальности и расы. Интересы всего человечества для нас одинаково дороги и значительны; всякое проявление человеческого духа возвышает и нас, а все, что позорит человека, несет с собой и для нас унижение и позор.

В случае нового международного конфликта наше сочувствие было бы не на стороне «отечества», но мы с теми, в чьей правоте мы были бы убеждены. Ибо врагом в наших глазах является не тот, кто родился за-рубежом, или говорит на непонятном для нас языке, но тот, кто посягает на независимость и свободу других.

При всем том мы, уроженцы Италии, там росли и воспитывались, и — оставаясь в стороне все еще темный и спорный вопрос о физической наследственности — испытали влияние специфически итальянской среды, т. е. бытовых и социальных условий.

Поэтому морально мы, несмотря на все старания отрешиться от данных вли-

аний, всегда будем ближе к нашим соотечественникам, чем к людям, развившимся в иных условиях. И если бы оказалось, что итальянский народ состоит из убийц, негодяев или глупцов, то мы тем самым не могли бы избежать подозрений и, вместе с тем, не могли бы не чувствовать свой позор. Но этим еще не все сказано. Каждый из нас оказывает известное влияние на окружающую среду, на дурные и хорошие стороны жизни. Такое влияние на добро и зло оказывают вообще все люди; и наш долг воздействовать по мере сил на социальное бытие, ибо мы исповедуем известное учение, стремимся воплотить определенный идеал и склонить к принятию его широкими массами. И если провозглашенные нами принципы справедливости, братства, свободы и возмуще-

ния против насилия и гнета не восторжествовали, если они хотя бы временно подавлены режимом, который зиждется всецело на дубине, то это нас, конечно, отнюдь не возмечливает. Было бы преувеличением и абсурдом навязывать нам какую-либо ответственность за позорные деяния, которые творятся, скажем, в Китае, но нельзя отрицать, что ответственность за то, что вершится сейчас в Италии, падает отчасти и на нас.

Итак, проникнемся глубже сознанием своего позора и постараемся искупить свою долю вины, сокрушив настоящий режим и установив такие формы социальной жизни, при которых возвращение к нему стало бы невозможным.

ЭНРИКО МАЛАТЕСТА.

JEAN GRAVE.

К ЯПОНСКИМ ТОВАРИЩАМ

28-го Марта 1933.

Дорогие товарищи, я прочел со вниманием ваш последний циркуляр от 28-го февраля, где вы излагаете раскол, произошедший среди японских анархистов и разделивший их на два лагеря: — на лагерь сторонников «тред-юнионизма» (синдикализм), который имеет целью в конечном счете, лишь улучшение участи рабочих в современном обществе, и считает, что революция может быть совершена лишь меньшинством, приносящим себя в жертву в борьбе против капитализма, — и на противоположный лагерь, на лагерь тех, кто утверждает, что синдикаты должны будут играть важную роль и до, и после революции в деле создания и организации экономической жизни свободного общества.

Рискуя скандализовать множество читателей, я позволю себе сказать им, что, по моему убеждению, неправы оба лагеря. Ни один, ни другой лагерь не имеют правильного представления о том, чем должны быть революция и то будущее общество, о котором мы мечтаем.

Верно, прежде всего то, что синдикализм не может быть чисто анархическим, по той причине, что для того, чтобы иметь некоторое влияние в организации и быть способным вырвать некоторые уступки у эксплуататоров, он должен, по крайней мере теоретически, ограничить свою задачу борьбою за повышение заработной платы и за улучшение условий труда.

Нельзя возражать против того, что синдикат, теоретически, стремится расширить свою деятельность и ставит своей целью социальную революцию; все это превосходно, но беда в том, что чем больше он будет расширять свою программу, тем более он будет сокращать число своих членов, ибо существует большое разнообразие взглядов на то, чем должно быть завтрашнее общество, и многие из этих взглядов противоречат друг другу.

Как я уже сказал выше, если синдикат хочет иметь возможность организовать как можно большее число членов, то он должен, очевидно, с'узнить свою программу до задачи осуществления пожеланий возможно

большого числа рабочих. Он должен сосредоточиться на борьбе за повышение заработной платы, на сопротивлении всякой попытке уменьшить ее или увеличить число рабочих часов, на завоевании лучших условий труда, на сопротивлении произволу, на организации стачек из солидарности для защиты эксплуатируемых товарищей других производств, — наконец, на протестах против злоупотребления доверием публики.

Вот чем синдикат должен ограничить пределы своей деятельности. По крайней мере, такова должна быть та программа, на почве которой он должен вести агитацию за привлечение в свои ряды новых членов. Это не значит, однако, что те, кого он организует, должны считать эти задачи своею конечною целью. Само собою разумеется, что каждая уступка, вырванная у эксплуататоров, есть не более, как шаг вперед по пути к осуществлению более крупных завоеваний. Синдикат должен лишь предоставить другим задачу борьбы за эти достижения.

С другой стороны, если улучшения, которых добиваются синдикалисты, могут быть достигнуты в современном обществе, то это не всегда означает, что этим самым устраняется необходимость прибегнуть к революционным способам борьбы, и средства, применяемые некоторыми эксплуататорами могут вынудить забастовщиков сделать еще один шаг в направлении к применению силы.

Синдикализм является, таким образом, организацией, необходимой современному обществу, и анархисты могут лишь протянуть ей руку. Это два родных брата, два параллельных движения, опирающихся одно на другое. Тем не менее, по моему мнению, роль синдикатов оканчивается с революцией, ибо, начиная с того времени, не будет больше нужды в отстаивании заработной платы и еще потому, что новое общество не должно строиться корпоративно. Люди будут организовываться по своим склонностям, способностям и желаниям. Не необходимость производить, а необходимость потреблять побудит людей к организации. А так как изолированный человек, за редкими исключениями, не может производить все то, что ему

необходимо, то эти организации, создавшись на почве каких-либо общих нужд, должны будут федерироваться между собою для добывания продуктов, производить которые они не сумеют своими силами.

* * *

Все эти различия взглядов возникают, в сущности, из того, что люди не умеют отдать себя вполне ясный отчет в идеях, которые они отстаивают. Человек становится синдикалистом, потому что нужно защищать свое благосостояние, или сопротивляться капризам хозяев. Он становится анархистом, потому, что хочет быть свободным и не быть эксплуатируемым. Это, если угодно, хорошо определяет всякое движение, но этого недостаточно, если хотят перейти к осуществлению.

Так, например, нам говорят, что синдикаты должны будут работать над распространением идей во время и после революций.

Это так, но в чем же будет состоять работа осуществления, которую они должны будут выполнять, и какими средствами будут они пользоваться, чтобы сделать свое дело полезным? Вот над чем мало задумываются.

Довоенная пропаганда много занималась обличениями теоретиков. Очевидно, что когда люди проводят все свое время в теоретизировании, то этого недостаточно, но все же нужно отдать себе отчет в том, что собираешься сделать и лишь затем переходить к осуществлению того, что теория успела доказать.

Как и все, что люди доводят до крайности, теория была бы нелепостью, если бы люди на этом останавливались. Совершенно так же и всякое действие могло бы быть нелепостью, если бы люди хотели действовать, не отдавши себе отчета в препятствиях, не заботясь о средствах, наудачу. Теория и практика должны существовать друг другу, и одна должна готовить другую.

Заниматься организацией будущего общества нужно не только во время и после революции. Это дело не есть задачей одних только синдикатов, оно должно быть задачей всех группировок, которые стремятся к низвержению существующего общества во имя

лучшего общества.

Революция сама по себе не может ничего создать. Она может дать только один полезный результат — ниспровергнуть старый порядок вещей и очистить дорогу для облегчения преобразований.

Но для того, чтобы такая революция была успешна, необходимо, чтобы организации и отдельные лица предварительно обдумали, чем должно быть общество, то, к которому они стремятся, и чтобы они, путем пропаганды, организовали в своих пропагандистских группах те экономические организации, которые должны будут заменить буржуазные организации.

Политические группировки должны быть полностью уничтожены, и надо будет следить, чтобы они не воскресли вновь.

Не так обстоит дело с организациями экономическими. Когда я говорю: организации, то имею в виду, главным образом, формы этих организаций. Некоторые из нынешних организаций производства и распределения продуктов, изменив способы работы и состав своего персонала, смогут много содействовать переходу от современного общества к будущему обществу.

Ибо, будет-ли революция или не будет, а нужно жить, а для этого нужно производить, обеспечить распределение продуктов, что было бы невозможно, если бы, уничтожив буржуазные экономические организации, общество не имело бы под рукою того, что ее заменит.

Между тем, если бы этот механизм стали создавать лишь в момент революции, то казалось бы слишком поздно. Создание основ этих организаций должно быть задачей пропаганды.

Очевидно, что создавать цельные организмы невозможно будет, но создание набросков, которые дадут обществу возможность взять их за основы для новых методов при содействии добровольцев, привлеченных революцией, и таким образом сделать самое нужное, — это будет возможно.

Эти организации — описание которых здесь заставило бы меня слишком далеко уклониться в сторону — я уже описал в не-

скольких статьях. Некоторые из них уже существуют, а другие легко можно было бы создать. Это имело бы то преимущество, что организации, созданные для того, чтобы они послужили базой будущего общества, смогут и в современном обществе оказать услуги своим организациям 1).

Именно с этой целью указанные организации рекомендовались разными товарищами, которые не заглядывали дальше своей ближайшей цели. Но даже с этой точки зрения они не были поняты и никто не заинтересовался их планами. Я сам только тогда понял, что предложенные группировки могут помочь построению будущего общества, когда стал изследовать, что именно следует делать в ходе революции, чтобы обеспечить ей успех. Что революция не подготовленная обречена на банкротство, это я понял еще раньше.

* * *

Те же самые товарищи утверждают, что задача организации будущего общества должна быть возложена на синдикаты. В этом пункте я также с ними не согласен.

Прежде всего, я не допускаю мысли, что будут производиться однообразные продукты для удовлетворения потребителей, и что на рынок будут выпускаться продукты одной модели, не считаясь со вкусами потребителей.

По моему мнению, именно вкусы, предпочтения и способности будут определять группировки индивидов, организующихся для производства предметов, согласно их взглядам.

Синдикаты являются орудием борьбы. Когда революция совершится, их роль будет кончена. Их члены должны будут смешаться с массой бойцов и организоваться для новых задач. Именно из недр возставшего населения должны будут появиться новые организации, как для потребления, так и для про-

1) Эти статьи я соединил в отдельную книгу под общим заголовком: — «Как подготовить будущее общество». Книга будет напечатана, если мне когда-нибудь удастся найти издателя.

изводства. И целью предлагаемых мною организаций будет не создание войсковых единиц из индивидов, а помощь индивидам в выполнении их задач.

До сих пор слишком много говорили о личном почине, не слишком хорошо понимая, что это означает. Только индивидуалисты толковали об этом, рассуждая вкось и вкривь, а в то же время продолжая действовать как ошцы, по указке своих вождей. Настоящие анархисты должны выказать свой здравый смысл и должны действовать как люди, знающие, о чем они толкуют и чего добиваются.

Эти организации, возникшие из свободной инициативы отдельных лиц, будут тяготеть друг к другу, объединяться, федерироваться, с тем, чтобы делиться излишком своих продуктов и в обмен получать продукты, которых они сами не могут произвести.

В наше время телефона и беспроволочного телеграфа, мы легко будем устанавливать связь между собой, без долгих попоек.

Именно здесь проявит себя одно из преимуществ тех организаций, о которых я упоминал. Я имею в виду одну из тех организаций для добывания продуктов, где можно было бы научиться, как обмениваться услугами и продуктами, не устанавливая меновой ценности. Ибо в этом вопросе будущее общество, как я опасаясь, встретится с одной из опасных трудностей. Некоторый предварительный опыт облегчит это дело.

Все это является делом соглашения и доброй воли, по смысл дела должен быть усвоен заранее, и не только теоретически, но и на практике, насколько это возможно. Не следует, под предлогом личного почина, стоять непременно на том, чего добиваешься. Необходимо стараться, чтобы социальные связи налаживались как можно лучше.

Так, например, может случиться, что производство некоторых предметов или продуктов превысит потребность, в то время, как другие продукты окажутся изготовленными в меньших количествах, чем требуется.

Вопрос разрешается просто: надо замедлить производство излишних продуктов, и усилить производство недостающих продук-

тов, — это дело соглашения между группой производителей и группой потребителей.

Свободный почин вовсе не означает упорства и заботы только о себе, он означает соглашение между членами общества, старающимися помогать друг другу, а не мешать друг другу.

* * *

Далее вы спрашиваете:

1. Имеются-ли в наших странах тред-юнионы, ограничивающиеся вопросами защиты заработной платы и тред-юнионы революционные?

Давно уже, еще с тех пор, как они были вырваны из рук социалистов - политиков все синдикаты, за исключением незначительных организаций, созданных агентами хозяев, или церкви, все тред-юнионы были более или менее революционны. Однако, некоторые из вождей синдикатов, с первых дней войны, позволившие правительству перетянуть их на свою сторону, продолжали сотрудничать с ним и после окончания войны.

Позднее началась большевизская пропаганда, которая, вместо того, чтобы вести борьбу внутри синдикатов за возвращение к революционной пропаганде, занималась только вопросами о личностях и стремилась вытеснить людей, неугодных большевикам. Вытесняемых упрекали, главным образом, в ошибках, совершенных ими вместе с самими же большевиками, и против которых большевики своевременно не протестовали. Большевики посеяли смуту, создали раскол, тогда как, оставаясь в синдикатах и будучи логичными и искренними, они могли бы без вреда уклонистов, привести синдикаты к более ясному пониманию своей роли. Занявшись же вопросами о личностях, они вызвали всеобщее отвращение, и синдикальное движение утратило часть своего значения.

Правда, образовались новые синдикальные группировки, стоявшие за революционный метод, но я недостаточно близко к этому движению стою, чтобы говорить о нем с полным знанием дела.

Случилось вот что: преданный анафеме теми бездельниками, которым после войны удалось засорить анархическое движение,

я стою вдали от движения, принужденный к этому тем, кто находит, что упомянутый клика зашла слишком далеко.

Находясь в таком возрасте, когда нельзя уже бегать по группам в поисках сведений, я вынужден ограничиваться теми сведениями, которые мне удастся собрать там и сям.

2. — Мой первый ответ имеет итчасти ввиду наш второй вопрос. Что касается анархического движения, то, по моему скромному мнению, оно пало очень низко и является не более как карикатурой того, чем оно было.

Да, существуют группировки, которые называют себя анархическими и о которых думают некоторые их члены, что они действительно являются таковыми. На самом деле, они являют собой лишь жалкий образец анархии. Что касается их работы, то до сего времени я ее не видел.

Другой период, пережитый нами со времени войны, давал возможности для множества газетных кампаний и митингов: походы в Сирию, Марокко, занятие Рура, жилищные затруднения, дороговизна жизни и много других событий, которых я не припомню. Анархисты много болтали на эти темы, но я не знаю случая, когда они предприняли-бы какую-нибудь серьезную кампанию, чтобы ткнуть буржуазию носом в эту грязь. Такая попытка в нескольких случаях делалась теми, кто называет себя коммунистами, но с таким непониманием дела, с таким изобилием революционных фраз, что им не удалось поднять массы.

Только одна кампания велась анархистами — или, точнее, людьми, которые так себя называли, — и это была настойчивая кампания в пользу амнистии. Анархисты требовали от буржуазии, с которой должны были бы бороться, амнистии. Это могло быть понято только в том смысле, что анархисты собираются устроить себе передышку.

Разумеется, вышло так, что буржуазия, желая показать себя добродушной, даровала амнистию, которую воспользовались находившиеся под судом товарищи. Буржуазии выгодно показывать свое великодушие, когда это ей нравится, но анархистам, которым, со-

гласно принципу, полагается бороться с буржуазией без отдыха и остановки, не следует просить у буржуазии о прощении за нанесенные ей удары. Это все равно, как если бы кто-нибудь ударил противника кулаком в лицо, а тот, вместо отплаты, сказал бы ему: — дружище, это не в счет, сердиться тебе не зачем, давай на этом поладим. Все это не-серьезно и недостойно.

3. — Да спорят много, но все это с точки зрения воспитания народа является, по моему убеждению, ничем иным, как ложным воспитанием, и воспитателям следовало бы самим поучиться и начать с изучения того, что такое анархия.

4. — Единственный вид деятельности, который выжил, — это антиимпериалистическая пропаганда, но и ее также можно было бы лучше вести. Несмотря однако на то, что она ведется беспорядочно, случаи открытого неподчинения и отказов от военной службы, становятся все более многочисленными.

Вы скажете, дорогие товарищи, что мое изложение дает очень мрачную картину положения. Я вижу его таким, каково оно есть на самом деле, и скрывать это от себя и других бесполезно. Но это вовсе не значит, что положение безнадежно. Наши идеи переживают сейчас затмение, как это бывает иногда и с другими течениями.

Наши идеи заделали слишком много людей для того, чтобы они могли исчезнуть. Война перевернула многое в головах людей. Так же бывало и в другие периоды истории, когда населению приходилось слишком долго терпеть.

Однако, после периода смуты, умы начинали проясняться и жизнь снова шла нормальным ходом. Так же будет и с нашими идеями. Позволив вести себя за нас ложным пророкам, соблазненным большими заработками, которые буржуазия умышленно давала им, рабочие отрываются скоро от соблазнов.

Крупные заработки уже начали уменьшаться и рабочие скоро откроют глаза и увидят, что не только современное общество должно исчезнуть, но и более того; они поймут, что строительство нового общества бу-

Бакунин и его вилла "Бароната" 1)

Летом 1873 года из Берна друзья Бакунина предупреждали его, что в федеральном правительстве под давлением иностранных держав обсуждался вопрос о переселении его во внутренние кантоны или даже прямо об изгнании его из Швейцарии. Вполне естественно, что это известие сильно встревожило Бакунина и всех нас, связанных с ним общей революционной деятельностью, а в особенности итальянцев, у которых тогда, под его непосредственным влиянием шла кипучая работа в Интернационале. Вот в это-то время, между прочим, и под влиянием этих известий, зародилась мысль об известном письме Бакунина в *Jornal de Geneve* о приобретении какой-либо земельной собственности, или о переселении его на остров Мальту.

Первая мысль о переселении на Мальту явилась у самого Бакунина, который надеялся, что там ему возможно будет вполне спокойно заниматься революционной деятельностью, конечно не среди жителей Мальты. Очень скоро от Мальты пришлось отказать после того, как собраны были различные сведения о местных властях, местном обществе и т. д., которые все оказались чрезвычайно неблагоприятными для появления там Бакунина. Итальянцы (в особенности Кафиеро) энергично защищали мысль о приобретении имения, небольшойвиллы, на имя Бакунина. Если он сделается собственником клочка земли, тогда со стороны властей он будет неуязвим и его оставят в покое в Локарно. Между прочим из Берна тоже указывали на приобретение какой-либо хотя бы незначительной собственности, как

на возможность избавиться в будущем от такого рода неприятностей. Кроме этого, итальянцы давно лелеяли мысль устроить на швейцарской территории поблизости итальянской границы склад оружия, типографию, убежище для лиц, преследуемых полицией. Теперь им представлялся прекрасный случай осуществить этот проект. Они почти не считались с тем, что сожительство Бакунина с типографией, складом и т. д. представляло некоторую опасность для первого. Должен при этом сказать, что мне с самого начала не нравился план сделать собственника из действующего анархиста — революционера Бакунина. На все мои возражения от меня требовали указать выход из создавшегося положения, тогда как иного выхода я не находил. Помнится, я указывал на то, что если крайняя необходимость заставляет прибегнуть к такому средству, то, по крайней мере, пусть он будет только номинальным собственником, не будет ею пользоваться, не будет там жить.

Касались вопроса и о принятии Бакуниным швейцарского гражданства, но, конечно, это точнее же пришлось признать невозможным. Оно потребовало бы много времени, много хлопот и много средств, а в конце концов очень легко мог получиться отрицательный результат.

Итак, все говорило за приобретение собственности, но конечно, окончательное решение этого вопроса принадлежало Бакунину и Кафиеро. Они оба решили его в положительном смысле, и с этого времени Кафиеро начал усердно хлопотать об ускорении получения своего наследства. В конце сентября я приезжал к Бакунину в Локарно, и тогда уже ими подскикивалась небольшая вилла. Бакунин говорил мне, что он старается приложить все меры к тому, чтобы его внешняя жизнь ничем не отличалась от жизни обыкновенного швейцарского обывателя. Через несколько дней я уехал из Локарно и после этого я не виделся с Бакуниным почти десять месяцев, тогда как в течение 1872 и 1873 года виделся с ним

1) Эта заметка была написана по поводу статьи Ю. Стеклова о Бакуине.

дет разумно лишь в том случае, если оно будет твориться свободными организациями индивидов, а не будет делом пророков, хотя бы они и были искренними... в виде исключения.

очень часто, часто ездил к нему, если же он приезжал в Берн или Найшатель, то всегда вызывал меня к себе.

С июня 1870 года до сентября 1873 года моим местопребыванием постоянно был Цюрих. В конце ноября я вместе с типографией переехал в Лондон. В промежуток времени между возвращением из Локарно и отъездом в Лондон мне пришлось прожить с месяц на русской границе, устраивая там переправу изданных нами двух томов («Государство и Анархия» и «История развития Интернационала»). Дело это было совершенно новое и поэтому требовало много времени и труда. Вернувшись с границы, нужно было привести в порядок, а затем сбыть на хранение известную студенческую библиотеку, так называемую Цюрихскую библиотеку, которая осталась у меня на руках после разъезда учащейся молодежи из Цюриха. Покончивши все эти дела, я отправился в Лондон, где меня уже ожидали письма от Бакунина и Кафiero, из которых я узнал о приобретении виллы «Бароната». Живя в Цюрихе, я переписывался с Бакуниным очень часто, с переездом же в Лондон мы обменивались письмами редко, не больше одного письма в месяц, а от Кафiero за все время моего там пребывания получилось едва ли больше двух писем. Приехавши в Лондон и устроивши там типографию (собственно говоря, наборную, потому что печатный станок был продан в Цюрихе), я занялся печатанием 3-го тома («Анархия» Прудона) и подготовлением 4-го, а Бакунин и Кафiero, кроме обычных дел Интернационала, оба были поглощены устройством «Баронаты» и личивиданшей кафieroвского наследства.

В мае месяце я кончил печатанием 3-й том и тотчас же переправил его через границу в Россию, а сам, временно закрыв типографию, собрался ехать в Швейцарию. Бакунин в своих последних письмах ко мне поторопливал меня приездом к нему в Локарно. Сколько помнится я явился в «Баронату» около половины июня 1874 года и нашел там только одного Бакунина, а Кафiero со своей молодой женой был в России у ее родственников. Бакунина я нашел совершенно таким же, каким видел его в наше

последнее свидание в предыдущем году. Жил он точно так же, как и прежде: занимал одну комнату, в которой в углу стояла большая кровать с мочальным матрацом, посредине комнаты—большой простой стол, заваленный газетами, книгами, бумагами и табаком, 4-5 стульев, простые белые полки с книгами, комод для белья, да на стене висели пара платья, пальто и шляпа. Было так же бедно и грязновато, как и прежде. В доме жила одна прислуга, простая крестьянская женщина стряпуха, довольно уже пожилая; она убирала комнаты и стряпала обед. Весь режим его жизни остался прежний: вставал он около 10 часов, ложился в 3—4 ч. утра и по вечером спал 1-1½ часа перед чаем: утром пил кофе и ел яичницу или просто яйца, за обедом было всегда два блюда (мясо и овощи), а вечером чай с хлебом. Никакого вина он не пил, а ел много. Это и понятно, потому что для такого колосса много нужно было материалу. Ведь он был буквально головою выше всякого человека среднего роста: для него ничего нельзя было достать готового, все нужно было делать на заказ: белье, платье, обувь, шляпу, кровать.

Первые два дня по моем приезде мы посвящали друг друга во все наши дела: я рассказывал ему о русских делах со всеми подробностями и мелочами (ведь это был 1874 г.), а он об итальянских, испанских, горских. Бакунин при личных свиданиях всегда интересовался всеми мельчайшими подробностями о делах и лицах. Ему всегда приходилось рассказывать о себе, о своей жизни все, что произошло в промежутке между двумя свиданиями, он не удовлетворялся одними письмами. Моя жизнь в Лондоне, знакомство с разными лицами его очень интересовали; у меня были знакомые и приятели среди эмигрантов — коммунаров, поляков, лиц бывавших у Маркса. С своей стороны и он вводил меня в интересные подробности и мелочи жизни. Кажется только на третий день мы дошли до знакомства с делами «Баронаты».

Прежде чем продолжать дальше, нужно сказать несколько слов, что такое представляла собою вилла «Бароната». Весь участок земли составлял не больше одной трети де-

сятины и был расположен по склону горы, у подошвы которой вдоль озера Лаго-Маджиоре шло шоссе, соединявшее Беллинсоню с Локкарно и служившее границей «Баронаты». На этом участке был виноградник в 20—25 квадратных саженей, несколько грядок с овощами, цистерна для воды и старый 2-этажный дом, оштукатуренный снаружи и внутри. В нижнем этаже помещались кухня, столовая и две комнаты для нас, приезжающих, а в верхнем—две комнаты и соединяющая их крытая веранда. В одной из верхних комнат жил Бакунин, в другой — Кафиеро с женою. Все комнаты были небольшие, закоптелые и довольно грязные, — итальянцы живут вообще грязно. Меблировка была прямо убогая: в столовой — простые белые табуретки, скамейки и колченогие стулья, в нашей комнате стоял диван с продавленным сиденьем, на котором спали приезжающие, и стол с двумя очень древними стульями. Передний фасад дома обращен был на озеро, а перед ним по склону вниз посажено было много самых обыкновенных цветов; сзади дома была площадка, на которую был выход из дома. С этой площадки зигзагом вниз к озеру тянулась дорога шириною аршина 3—4. Остальная местность представляла собою голый камень и только кое-где виднелся кустик или какое-либо дерево. Но зато вид на озеро и противоположные горы был великолепный.

Из писем Бакунина и Кафиеро, получавшихся мною в Лондоне, я знал, что в «Баронате» приступили к постройке небольшого дома, так как старый был тесен и неудобен. Вот на эту постройку мы и отправились; нужно было подниматься вверх, так как новый дом строился выше старого дома и в стороне от него. Бакунин, не дойдя до дома, вернулся с дороги, нахмуренный и недовольный, оставил меня одного осматривать работы. Прежде всего я увидел новую широкую ($3\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ арш.) дорогу, местами вырубленную в скале, затем 2-этажный дом вдвое больше старого, далеко-далеко еще неоконченный вчера, и новую большую цистерну, тоже вырубленную в скале. Все это делалось в больших размерах, и кое-где, я заметил, не соблюдались элементарные пра-

вила строительного искусства: — через некоторое время после моего осмотра часть постройки обрушилась, но, к счастью, в то время, когда на работах никого не было.

Спустившись вниз, я тотчас же передал Бакунину свои впечатления и из нашего дальнейшего разговора по поводу них выяснилось, что он на постройке бывал чрезвычайно редко, полагаясь во всем на архитектора, который в одно и то же время был строителем и подрядчиком и как оказалось впоследствии, пользовался таким положением, преследуя главным образом свои интересы. От старого дома к старой цистерне наверху шла обыкновенная горная пешеходная дорога, на пути которой строился новый дом..

Первоначально решили ограничиться этой дорожкой для сообщения с новым домом, расчистив и исправив ее, на что потребовалось бы две—три сотни франков; но архитектор уверил Бакунина в необходимости расширить дорогу и сделать ее такою же, какая шла от старого дома к шоссе, и что на это придется прибавить еще несколько сот франков. В действительности же эта дорога обошлась в 7—8 тысяч франков. Архитектор точно так же поступал и с другими постройками, как выяснилось впоследствии. По первоначальному проекту новый дом по размерам своим не превышал старого, но начавши строить его, архитектор постепенно и последовательно убеждал Бакунина и Кафиеро в необходимости увеличить его, расширить его, при чем всегда ссылаясь на якобы незначительное увеличение расходов. Цистерну, поглотившую тоже несколько тысяч франков, вначале совсем не предполагали строить, так как при небольшом новом деле вполне возможно было ограничиться одной уже существующей цистерной; но большой дом потребовал новую дополнительную цистерну. Архитектор проектировал также разбить сад около нового дома, впрочем этого не удалось ему исполнить.

Вскоре возвратился Кафиеро из России.

Из разговоров с ним я вполне убедился, что ни он, ни Бакунин совсем не следили за работами, не подсчитывали расходов, а когда я подвел приблизительные итоги всего,

что израсходовано, то оба они были не мало удивлены большими расходами, главной причиной которых были их перьяшность, непрактичность, безтолковость. Тогда же было решено сократить немедленно работу, ограничившись самым необходимым, а расчеты с архитектором затянулись и были, по просьбе Кафиеро, окончены значительно позже.

Во время наших общих разговоров я впервые узнал, что скоро приедет из России семья Бакунина, поселится в «Баронате» и что новый дом строится для нее, так что первоначальные цели покупки «Баронаты» изменились. Тогда же я узнал, что наследство Кафиеро не такое большое, как предполагалось раньше и едва ли превысит сто тысяч франков, а на наши деньги тридцать тысяч рублей.

Бакунин и Кафиеро в этих разговорах иногда винили и упрекали друг друга в разных промахах и ошибках и подчас с некоторым раздражением.

Одновременно с тем, как я возился с архитектором и ликвидацией работ по постройкам, шли усиленным темпом приготовления к Боловскому делу. К нам часто наезжали Коста, Малатеста и другие итальянцы.

Бакунин, конечно, принимал самое горячее участие во всем этом деле. В первый же день моего приезда в «Баронату», говоря о нем, он сказал мне о своем решении ехать в Боломью и принять там самое активное участие. Это несколько меня не удивило, потому, что Бакунин во всяком серьезном деле всегда шел в переднем ряду, да еще первым; было бы удивительно, если бы он уклонялся от этой поездки. Я сам начал постепенно втягиваться в это дело, исполняя отдельные поручения. Так, однажды, получив от Кафиеро процентных бумаг на двадцать тысяч франков, нужно было их продать и полученные деньги передать Косте. Операция эта оказалась довольно затруднительной, потому что в банках требовали от меня удостоверение моей личности и откуда я получил эти бумаги. Тогда впервые в каменных работах вместо пороха стали употреблять динамит для взрыва породы. Нас это очень заинтересовало, и я взялся достать несколько патронов динамита, произвести с

ним кое какие опыты, чтобы познакомиться с его действием. Впоследствии, как известно, жена Кафиеро доставляемый динамит перевозила в Италию.

Приблизительно во второй половине июля Бакунин получил телеграмму от своей жены с дороги с извещением о дне ее приезда в Локарно. Он попросил меня выехать к ней навстречу; на другой же день я отправился и встретил ее с детьми и стариком отцом где-то недалеко от Милана. Жена Бакунина никакого участия в революционных делах не принимала, и он не посвящал ее в эти дела. Нельзя сказать, чтобы она к ним была совершенно индифферентна, нет, она была скорее враждебна к ним, и только под влиянием его постоянно себя сдерживала. Все мы хорошо это знали, знали также и то, что детей у Бакунина не было, что настоящим отцом детей был Гамбуцци, неополитанский адвокат, с которым она после смерти Бакунина повенчалась, если я не ошибаюсь. Для нас она была совсем чужим человеком. И вот этот-то чужой человек внезапно врывается в нашу среду и заявляет нам, что «Бароната» со всем, что в ней есть, принадлежит ей, что она — хозяйка, а все остальные — припавшие, посторонние люди и что она терпит их присутствие здесь только из уважения и снисхождения к своему старому мужу Бакунину. Действительно, через несколько дней по приезде она сделала такое заявление Кафиеро, потребовав от него очистить комнату, которую он занимал с своей женой, так как она ей нужна. После такого инцидента пред нами тотчас же встал вопрос, что же дальше будет с «Баронатою», уж не говоря о предполагаемом устройстве в ней типографии, склада и проч., необходимость которых особенно остро чувствовалась в данный момент. При обсуждении создавшегося положения и ввиду скорого отъезда Бакунина в Боломью все мы трое, т. е. Бакунин, Кафиеро и я, решили: во 1-х, Бакунин по возможности без всякой огласки, подпишет нотариальный акт, что «Бароната» в действительности принадлежит Кафиеро, во 2-х, Бакунин будет в ней жить так же, как и раньше, и, в 3-х, итальянцы для своих нужд будут в нем устраивать все необходи-

мое для их дел.

Через несколько дней после этого Бакунин уехал в Италию; я сопровождал его через границу до Вероны. Жене своей он сказал, что едет в Цюрих по личным делам, и нас просил не сообщать ей о настоящем положении дел до моего возвращения из Италии. По приезде в Верону, я тотчас же разыскал лицо, которое должно было провожать Бакунина до Болоньи, а сам, согласно нашему общему решению, вернулся через Милан в Локарно, где обший наш приятель, швейцарец Беллерно, бывший в курсе всего дела с «Баронатою», устроил мне свидание с женою Бакунина. Это свидание, по ее желанию, состоялось где-то в частном саду и в присутствии Беллерно. Так как последний не понимал по-русски, то разговор сначала шел по-французски, и я кратко рассказал ей о педи поездки Бакунина в Болонью, затем перешел к вопросу о «Баронате», что она куплена на средства Кафiero с известною целью, что Бакунин — только номинальный собственник и т. д. Все это она выслушала довольно спокойно, как бы все знала или не придавала никакого значения, но как только я упомянул о существовании нотариального акта, утверждающего Кафiero собственником «Баронаты» картина моментально переменялась: она быстро перешла на русский язык и обрушилась на меня с градом упреков, что я — нигилист, не верю ни в бога, ни в чорта, отрицаю семью, собственность и т. д., что у меня один идол — революция, что ради нее я лишаю ее «Баронаты», что все это я устраиваю, что она не желает жить с такими людьми под одной крышей и немедленно выйдет из «Баронаты». Ни каких моих объяснений и возражений она не допускала и не желала слушать. На мое замечание, что Бакунин, вернувшись из Италии, снова поселится в «Баронате», ответила, что она ни под каким видом жить там не будет. И действительно, спустя 2—3 дня она с детьми выехала из «Баронаты», на правляясь в Неаполь. Все события последнего времени сильно подействовали на Кафiero: он был удручен и подавлен. Материальное положение его было незавидное, денег осталось мало, а постройки не окончены

При таких условиях жизни в «Баронате» имелась только плохая даровая квартира. При свидании с женою Бакунина я упоминал ей об этом, и она, конечно, приняла это к вниманию. Болонское предприятие не удалось, Бакунин вернулся в Швейцарию и остановился в Шплюгене, откуда телеграммой вызвал меня к себе. При свидании с ним я рассказал ему все в подробностях, что произошло в его отсутствие, включая и мой разговор в саду с его женою, с которою он еще не виделся после поездки в Италию, а переписка между ними, повидимому, только что началась, потому что Бакунин тогда выражал намерение вернуться в «Баронату». О своих отношениях к жене и детям Бакунин прежде упоминал чрезвычайно редко, да и то мимоходом, вскользь, так что я, зная, что дети не его, всегда представлял его себе безсемейным и поэтому в Шплюгене мне удивительно было слышать от него, что для него теперь чуть не самый важный вопрос удержать «Антосю» (т. е. жену) от поездки в Неаполь, где она предполагала остаться жить.

Здесь же впервые Бакунин сказал мне, что отныне он решительно отстраняется от всяких революционных дел, что он стар, устал, болен, что теперь он вполне искренне решил уйти в частную жизнь, что, конечно, он никогда не откажется быть нашим советником, делиться с нами своею опытностью, своими знаниями, но что для активной деятельности у него нет больше ни сил, ни энергии. С этого момента я уверовал, что Бакунин действительно вполне уходит в частную жизнь и мы остаемся одни без него. Никаких разговоров о разрыве с ним, конечно, не было, да и не могло быть, потому что как он, так и мы оставались тем же, чем были и раньше, и все дело состояло в том, что один из нас по причинам, вполне уважительным отстанет от дела.

Вернувшись из Шплюгена в «Баронату», я рассказал Кафiero все до мельчайших подробностей, затем по его просьбе произвел все расчеты по постройкам и после этого я считал оконченным весь этот эпизод с «Баронатою». С Бакуниным переписка прервалась, и все, что с ним происходило с

этого времени, для меня было совершенно неизвестно. Обо всех его переживаниях, планах, надеждах я узнал много лет спустя после его смерти. Кафиеро и я признали безусловно необходимым лично рассказать Гильому о всем происшедшем в «Баронате», и поэтому мы оба отправились к нему в Нейштатель. Здесь Кафиеро в моем присутствии изложил ему обо всем подробно, и я только кое-где дополнял или указывал на пропуски в его рассказе. Хорошо помню, что он не щадил себя и признавал свои ошибки. Гильом, с своей стороны, сообщил юрцам о нашем посещении его и нашем рассказе.

Через несколько времени Бакунин дал нам знать, что он хочет видиться со всеми нами. Встреча произошла в Нейштателе в присутствии Гильома, Кафиеро, меня, Швидгебеля и Шпихигера; она была тяжела и для Бакунина и для всех нас. Кривить душою, лицемерить, лгать никто из нас не решился бы. Сам Бакунин всегда требовал от нас полнейшей откровенности, правдивости во взаимных отношениях: как бы ни была горька правда, но ее всегда следует высказать откровенно и прямо, — говаривал он.

Так он вел себя с нами и того же требовал от нас. Представлю себе на один момент, что мы сфальшивили бы перед ним, скрыли бы наше мнение о его поведении в случае с «Баронатой». Он первый бы обнаружил эту фальшь, первый возмущился бы нашим поведением.

Я бывал свидетелем, когда он давал в подобных случаях жестокие головомойки. Он никогда не уклонялся от высказывания всей правды прямо в глаза, того же требовал всегда и от нас. В конце концов Бакунин и сам признал свои ошибки и как-раз именно те ошибки, на которые мы ему указывали.

Это наше последнее общее свидание с ним не изменило моего отношения к Бакунину и я продолжал относиться к нему так же, как после встречи в Шплугене. Благодаря этому я без особого труда возобновил с ним сношения после перерыва в 4—5 месяцев.

В самом начале 1875 года меня сильно потянуло съездить в Лугано повидаться с

Бакуниным, о котором я за последнее время не имел никаких сведений, кроме того только, что он с семьей живет в Лугано. Кроме этого я знал, что он начал писать вторую часть «Государственности и Анархии».

В бытность мою в «Баронате» он показывал мне порядочную пачку написанных листов, при чем говорил: нужно кое-что еще переделать, дополнить, но что он во что бы то ни стало окончит эту работу, так как несомненно это его последний труд. Это тоже побудило меня съездить к нему, узнать, в каком положении находится рукопись, и смотря по обстоятельствам, взять ее для печати.

Приехавши в Лугано, я не желая встречаться с его женою, послал ему записку с извещением о своем приезде и о желании видиться с ним. Он тотчас же мне ответил, назначив местом свидания *café*, где он обычно ежедневно читал газеты и куда пришел вслед за запискою. Так я прожил с неделю в Лугано, виделся с ним ежедневно, проводя вместе по несколько часов и постоянно в одном и том же *café*. Он так же, как и прежде, всем живо интересовался, обо всем спрашивал, при чем прибавлял, что о себе ему нечего рассказывать, потому что он вне всяких дел, а личные его дела таковы, что они мало представляют интереса: очень они мелочны и однообразны. Первые встречи были довольно сухи, но потом эта сухость мало-по-малу исчезла, и после второго или третьего свидания я чувствовал себя с ним так же, как и в былые времена. Впоследствии я видался с ним много раз и с его стороны встречал много доказательств искреннего и сердечного отношения ко мне. Любопытно одно: за все время впредь до моего приезда в Россию в 1876 г. только один раз, да и то как то случайно, он вспомнил о «Баронате», и при этом сказал, что весь этот эпизод очень печален для него, что он тогда сделал несколько крупных ошибок, но «не будем вспоминать старое», — прервал он сам себя.

Вторая часть «Государственности и Анархии» была заброшена, написанные листы или пропали, или он их уничтожил; на мой вопрос о них он ответил: нет настроения ни

сать, а написанное для печати не годится. В одном из последних свиданий я пытался еще раз заговорить о рукописи, но получил решительный ответ, что он не в состоянии писать, что у него нет никакого желания писать.

Отправляясь в Герцоговину с намерением принять участие волонтером в восстании, я по дороге заехал к нему. Вначале он был против поездки, но потом признал ее полезность, хотя и сопряженную с опасностью, узнавши, что, благодаря моим письмам, несколько человек приедут из России тоже «петь охоту пороку». На возвратном пути из Герцоговины я был у него вместе с Кравчинским, которого познакомил с ним.

Таким образом мои посещения его время от времени, и иногда по его вызову, продолжались вплоть до моего отъезда в Россию в марте 1876 года. Поездка моя в Россию его очень интересовала и он, между прочим, оказал мне серьезную помощь в устройстве денежной стороны ее. Последний раз я был у него недели за две до отъезда; при прощании он выразил надежду увидеться со мною, но судьба разсудила иначе: через три месяца он умер, а я попал в тюрьму.

Что касается письма Бакунина, приведенного в конце статьи г. Стеклова и датированного 21-го октября 1874 г., то считаю нужным сказать следующее: во 1-х, такого письма 1) от Бакунина я никогда не получал, а о его существовании узнал много лет

спустя после его смерти из собрания писем его к Герцену и Огареву, изданных Драгомановым; во 2-х, все, что предпринималось в «Баронате» для ликвидации «печальных историй», предпринималось с ведома и согласия Бакунина, решительно ничего не делалось помимо его или вопреки ему; 3) о поездке в Россию в 1874 я и не думали ни с кем об этом не говорил, да по моим тогдашним обстоятельствам не мог ехать; 4) в Драгомановском собрании «Писем» к этому письму сделано примечание, что Бакунин это письмо распространял между знакомыми. Знакомые Бакунина и мои были одни и те же лица, и конечно, появление такого письма вызвало бы большие разговоры, вся бы тогдашняя эмиграция об этом знала, многие злоречествовали бы и были бы рады появлению такого документа, тогда как ничего подобного не было вплоть до самой смерти Бакунина.

М. П. САЖИН.

(Арман Росс).

1) В данном случае мне изменила память; не только было такое письмо от Бакунина ко мне, но был и мой ответ ему. Оба эти письма напечатаны в известных книгах Неттлау и Гильома, о чем последний сообщил мне при личном свидании в Париже в 1912 году.

ЛУИДЖИ ФАБРИ.

СВОБОДА ДЛЯ ВСЕХ

Очень часто случается видеть товарищей покачивающих головами и ужасающих ся, когда им излагаешь нашу идею, что как анархисты, мы обязаны заинтересовать в признании и утверждении права на свободу для всех, включая и наших врагов, как если бы они не вполне были убеждены в полезности такого утверждения и признания.

Некоторым из них кажется опасной наивностью, доктринерским необоснованным утверждением, вредным для революции это признание и прокламирование права на свободу для всех, вплоть до тех, кто против нас. Им кажется, что хотят дать врагам оружие, которым они нас смогут потом атаковать.

А все таки в этом нет ни наивности, ни необоснованности, а наоборот, вполне осмысленное поведение, на основании практического опыта, которого другие не видят и не понимают только потому, что они ослеплены ветхими предразсудками и авторитарной предвзятостью.

Вполне понятно, что когда мы говорим о «праве на свободу», мы понимаем ту свободу, которая действительно одинакова для всех, а не ту, которая превращается в привилегию, при существующих материальных, экономических и политических неравенствах. Мы понимаем здесь ту свободу, которой могут пользоваться полностью все, без того, чтобы вредить свободе других и которая не превращалась бы в произвол, в самовластие и в насилие против других. Ибо не должно смешивать произвол, насилие и самовластие со свободой: свобода не только не насилует свободу кого бы то ни было, а, наоборот, дополняет и расширяет ее.

Так, например, бессмысленна свобода «равная для всех» между правителями и управляемыми, между богатыми и бедными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между господствующими и их жертвами. Между этими, нужно это хорошо понять, свобода превращается в привилегию, и, поэтому, она перестает быть свободой, а, как раз наоборот, превращается в произвол, ибо подданные, наемные рабочие, нищие, гонимые, если даже теоретически и легально за ними и признано известное право на свобо-

ду, они не могут пользоваться им больше чем в смешных дозволенных границах и свобода их почти всегда только иллюзорная, кажущаяся; в то время когда свобода — безгранична и настоящая привилегия для сильных мира сего, для капиталистов и власть имущих. Свобода, следовательно, возможна только в равенственных условиях, вне которых те, которые находятся в подлинных условиях, владеют только той малой свободой, которую им оставляют другие из каких нибудь соображений, или ту, которую они умеют отвоевать себе своими собственными силами и защищать ее.

Следовательно, когда мы говорим о свободе в революции для всех, мы говорим о той свободе, которая не может быть осуществлена иначе как разрушением всякого властнического и насильственного авторитета и экспроприацией всех частных богатств о свободе для всех, при условии равенства, материальных условий для всех. Другими словами, мы стремимся добиться для всех той свободы, которую мы хотим для самих себя. А этим мы не оказываем никакой услуги нашим врагам, а, наоборот, делаем более устойчивым и продолжительным наше собственное завоевание.

Если-же мы посмотрим на этот вопрос с тактической точки зрения или его своевременности, то мы должны понять, что в сущности, мы ничего не даем нашим врагам, которые сейчас более сильны просто потому, что они уже имеют свободу, и, помимо этого, имеют власть, чтобы задушить нашу свободу. Но завтра, когда они будут лишены власти и богатств, они будут много менее свободны чем мы, потому что мы будем иметь на нашей стороне право и количество. Бывшие враги, назовем их так, с того момента как для того, чтобы жить должны будут работать, не имея другой силы, как свою собственную, каким образом они смогут воспользоваться свободой во вред нам, не прибегая к силе, т. е. не став в положение, при котором мы, благодаря нашему положению и нашему числу, несомненно будем более сильны, и их насилие нам даст моральное право задушить и уничтожить их в открытом бою? Но в та-

ковом случае нам незачем будет отнимать свободу у кого бы то ни было, а достаточно будет наша защита против нападения врага.

Если мы отнимем у наших врагов единственную свободу, — которая в действительности не есть свобода, а произвол — насилловать свободу других, так же как мы отказываемся от нея, что смогут они сделать? Издавать газеты, выпускать книги, брошюры и прокламации, излагать свои добрые идеи, или изобретать ложные известия и клевету, объединяться между собой, организовывать конференции и собрания, критиковать то, что делаем мы, отказываться сотрудничать с нами в наших общественных предприятиях, пробовать между ними способы жизни противоположные нашим и другие подобные вещи.

Все это было бы невыгодно для нас, если бы, как это происходит теперь, они могли бы задушить нас, противопоставляя в каждой местности десять ежедневных больших газет как «Ла Пренса», «Ла Насион» одной маленькой, бедненькой газете как ежедневная «Ла Протеста»; или если бы только они могли говорить, а мы должны были бы быть немыми; если бы их ассоциации и собрания, между прочим, даже и теперь очень незначительные в сравнении с нашими грандиозными народными собраниями, были бы единственными и имели бы повод себя правительства, которые превратили бы их право в их привилегию, или могли бы быть вооруженными среди вооруженного народа. Но сведенные на положение, в котором они могут рассчитывать только на свои собственные силы и средства меньшинства, — излишне, понятно, напоминать, что если бы они были большинство, революция с самого начала была бы осуждена на неудачу, и, в лучшем случае, были бы мы на их месте как побежденные. Но так как мы сможем им противопоставить средства и силы много большие чем они, так чего же их бояться?

С другой стороны, их оппозиция и критика помогли бы нам быть бдительными и победившее народное большинство, могло бы даже выгождать от их критики, если она будет справедливой. На поле общественной

активности для жизни в сообществе, у нас не будет никакого интереса навязывать кооперирование с нами тем, кто останутся нашими врагами, ибо оно было бы бесполезно и даже вредно. Если же они будут пробовать жить на свой манер, отдельно от нас и с практическими пониманиями различными от наших, от этого не будет никакого вреда, пока они не захотят навязать нам их манеру жить. А тогда, да, нужно будет бороться, и, мы, более сильные и качественно и количественно, их уничтожим. К тому еще, если они останутся нашими соседями, они вынуждены будут производить, чтобы жить; если же нет, они вынуждены будут убраться подальше, ибо мы откажемся позволять им жить лодырями за счет нашего труда.

В итоге, с какой-бы точки зрения ни рассматривался этот вопрос, мы всегда приходим к заключению, что у нас нет никакого реального интереса отказывать другим, будь это даже нашим врагам, в тех свободах, на которые мы претендуем для себя самих. И, наоборот, чтобы не дать другим какую-нибудь из наших свобод, нам нужны будут специальные органы принуждения и преследования, как полиция и правительство. А так как мы не сможем все быть правителями и полицейскими, то неизбежно создадутся круги людей, которые централизуют в своих руках власть и привилегию быть вооруженными. Эти круги людей, более сильные и более привилегированные чем все остальные, понежному кончат тем, что ограничат свободу не только наших врагов, но также и нашу собственную и всего остального населения. И тогда наступит день, когда мы дадим себе отчет, что мы сами отреклись от своих прав, что мы потеряли нашу свободу; что мы своими собственными руками восстановили новую, тиранию и новую привилегированную касту. И что... революцию нужно будет начинать снова.

Свобода для всех есть единственное средство, чтобы не существовало никакой тирании, в ущерб кому бы то ни было. Только завоевывая и защищая, легально и энергично, свободу для всех, мы завоеваем, защитим и обеспечим навсегда нашу собственную свободу.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

АНАРХИЗМ И НАСИЛИЕ

АНАРХИЗМ СРЕМИТСЯ достигнуть намеченных целей при помощи свободы и любви. Он не намерен тронуть даже волосок на голове у кого бы то ни было и страстно желает высушить все слезы, наставляя никого пролить ни одной. Еще меньше хочет анархизм причинить кому бы то ни было малейшее зло.

Настанет день, и он несомненно наступит, когда можно будет делать людям добро, не делая никому зла: ни себе, ни другим. К великому сожалению теперь это не вполне возможно. Ибо самый чистый, самый непорочный идеалист, даже тот, кто, как легендарный Христос, готов идти на муки не протестуя и всходить на эшафот впереди своих палачей, и тот, в настоящее время, совершил бы акты насилия этими своими поступками, ибо помимо зла, которое бы он причинил себе, он заставил бы страдать и проливать горькие слезы всех тех, кто ему близок и его любит.

При существующих строях жизни на началах насилия и принуждения можно, следовательно, только стараться совершить лишь минимум возможного зла, стремясь добиться максимума добра для всех людей.

* * *

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО СЕЙЧАС болезненно плетется по миру под тяжестью политического и экономического гнета, вырождающееся, озверевшее медленно убиваемое нищетой, невежеством, рабством, взаимоистреблением и насилием. Для защиты этого положения существуют военные, судебские и полицейские организации, отвечающие на всякую серьезную попытку изменить эти условия общественной и индивидуальной жизни, тюрьмой, пыткой и эшафотом. Выйти легальным путем из этого положения — крайне трудно и даже почти невозможно, ибо законы сделаны привилегированными именно для защиты их привилегий. А так как не все и не всегда способны бороться моральными средствами против физической силы, которая преграждает человечеству путь к про-

грессу и всеобщему благосостоянию, то часто бывают неизбежны восстания, возмущения и даже насильственные революции. Насильственные революции — громадное зло, но они всегда следствие существующих зол и насилия, а главное отсутствия должного воспитания и сознания в людских массах.

Такие революции приносят с собой много зла, много страданий, много несчастий. Но они всегда происходят помимо и даже против воли анархистов: их готовят сами привилегированные своими насилиями и издевательствами над народными массами и воспитанием, и внедрением в сознание этих масс веры в богов, в героев, в избранных и в неизбежность существования авторитета, власти эксплуатации, привилегий и насилия человека над человеком.

А кругом миллионы младенцев умирают от недостаточного питания и миллионы трудящихся преждевременно погибают от нищеты, голода и холода, прожив жизнь безрадостную, мелочную, пошлую и безнадежную. Да и многие богачи и люди власти не живут счастливо и довольными в современном обществе. И недовольство накапливается, растет и взрывает, выливаясь часто в насильственные революции.

Анархисты знают все зло, которое несут с собой восстания и революции и они хотят добиться лучших и более счастливых человеческих общежитий путем поднятия сознания в массах и морального возвышения человеческой личности. Но анархисты предвидят также неизбежность революций пока существуют власть, эксплуатация и насилие. И, поэтому, стремятся, чтобы неизбежная революция была последней, т. е. совершила бы максимум возложенным социальных изменений таким образом, чтобы покончить со всеми формами угнетения, со всеми видами эксплуатации человека человеком. Стремятся работать над сознанием людей, чтобы они были способны придать революции характер всеобщего освобождения, без чего рево-

людия будет только еще одним взрывом человеческого возмущения и недовольства и лишней и бесполезной тратой жизни и энергии. Ибо в деле революции, как и во всякой человеческой активности, должен соблюдаться принцип экономии сил и жизни и стремление к максимуму достижений.

* * *

АНАРХИСТЫ ХОРОШО ЗНАЮТ и понимают те ужасные моральные и материальные условия, в которых живут трудящиеся, чтобы удивляться актам ненависти, насилия, мести и жестокости, которые могут случиться во время революции. Они хорошо знают, что имеются угнетенные, воспитанные на безчеловечной жестокости, привыкшие видеть, что более сильному все — позволено и которые, почувствовав себя в положении более сильных, способны будут сказать: «Будем поступать с буржуазией так же, как она поступала с нами»; что даже может случиться, что, в момент лихорадочной борьбы, натуры обыкновенно мягкие, добрые и религиозные, но нравственно и идейно слабые и недостаточно подготовленные, смогут потерять из виду идеал, к которому они стремятся и дать себя увлечь окружающей атмосфере насилия и принуждения.

Анархисты могут понять такие явления. Но одна вещь — **понимать**, а совсем другое дело **принимать** эти явления и соглашаться с ними. Ибо анархисты, ни в коем случае и ни при каких условиях, не могут принять **насилие** ни как метод борьбы, ни как средство, ни как цель; и еще меньше они могут проповедывать насилие или имитировать его в своих актах.

Анархисты должны быть активны, энергичны, настойчивы в своих стремлениях к осуществлению Анархии в жизни, но они ни в коем случае не могут и не должны **оправдывать**, ни соглашаться с актами насилия. А если и случается иногда **терпеть** акты насилия, то и тогда они должны стараться, чтобы эти акты приносили как можно меньше страданий людям. И даже в самый разгар революционных событий, анархисты должны быть вооружаемы **чувством уважения, терпимости и любви** ко всем людям без

исключения. Ибо чувства уважения, терпимости и любви суть моральная база, душа анархической активности. Без этих чувств, анархизм **невозможен**. Даже самую революцию анархисты понимают как великое народное празднество, как освобождение, как братствование всех людей, без различия группировок, партий и общественных слоев, к которым они до этого принадлежали. Ибо только путем всечеловеческого освобождения и слияния всех людей в братстве, равенстве, свободе и любви может осуществиться анархический идеал.

* * *

ЖЕСТОКИЕ И БЕЗЧЕЛОВЕЧНЫЕ поступки со стороны масс и отдельных личностей в революции — вполне возможны. Но они будут тем меньше и тем менее кровавы, чем сильнее будет противодействие анархистов, действующих во имя идеалов Анархии. Ибо если бы жестокости масс не встретили сознательного сопротивления и идейного воздействия анархистов — идеалистов, — революция сожрет сама себя и погибнет в крови, муках и взаимном истреблении. И насилие из стихийного и массового превратится в **систематическое и организованное**, как это случилось в Российской революции.

* * *

НЕНАВИСТЬ НЕ МОЖЕТ создать любви.

Ненавистью нельзя обновить и перестроить мир. И революция, построенная на ненависти и мести, а не на любви, **всеобщей** свободе и **всеобщем** благосостоянии, или погубит все дело обновления общественной жизни, или превратится в новое угнетение, которое может быть и будет называть себя анархическим строем, как современные государства называют себя либеральными, но от этого он все-таки не перестанет быть угнетением; и результаты для жизни сможет дать не лучшие и не большие, чем все другие политические или экономические угнетения.

Новый мир — мир свободы и довольства для всех — может и должен быть построен только на твердом фундаменте, — только на фундаменте Анархии: свободе, взаимопомощи, терпимости, уважении и любви.

Вуэнос — Айрес Анатолий Горелик.

М. М. Гольдсмит (М. Корн). В качестве итальянцев.

В ноябре 1891 года, один студент, страстный революционер - бланкист, Жюль Луи Бретон, который впоследствии вошел в парламент, распространил манифест с призывом к учащейся молодежи организовать социалистическую группу. Сначала собирались у Бретона, а потом в фурьеристской библиотеке на ул. Муффтар. Благодаря энергии румына Георгия Диаманди, группа объявила себя интернационалистской, что отстранило от нее часть молодых радикальствующих, неопределенных социалистов, боявшихся политики. Благодаря настойчивости Бретона к общему названию было добавлено «революционеров». Таким образом была организована, в декабре 1891 года, первая группа социалистов - студентов, получившая название «Группы студентов социалистов-революционеров интернационалистов».

То был союз молодых людей, имевших каждый свои привычки, свои традиции и предрассудки, призвитые воспитанием и официальным образованием, семейною и социальной средой, но идеалистов, алчущих познания, не страшившихся самых смелых гипотез, бросающихся в самые страстные дискуссии, в которых мало-по-малу разбираются эти традиции, уничтожаются предрассудки и изменяются привычки. Однако члены группы отнюдь не ставили себе целью проводить все время в острословии и культивировании парадоксов. Они имели идеал и искали его утверждения. Тотчас же приступили к работе, под интеллектуальным и моральным руководством старых товарищей: Альфреда Боннэ, Сюффрен Раймонда, Георга Диаманди, которые были на четыре-пять лет старше других и уже разбирались в учениях социалистов. Первый год был посвящен беглому знакомству с предшествующими социалистическими теориями и более тщательному, и продолжительному изучению «Капитала» Карла Маркса 1). Дискуссии велись очень серьезно. Вырабатывались вкус и привыч-

ка к известному методу, к рационалистической критике и к исканию истины.

К первоначальному ядру группы (Бонна, Бретон, Шануго, Диаманди, Лорсен, Мушот, Новиль, Пиеро, Раймонд Сюффрен, Реми, Тьерселен, Леон Тирье, Игуф, Зеваес, Циммер и другие, имена которых я забыл), скоро примкнули Агтал, Амелин, Дюкроке, Жюльен, Ляни (который вскоре вышел из группы 2), Метен и другие, а также студенты румыны и русские (колония последних была в то время очень живая и многочисленная, благодаря преследованиям царского правительства) и, наконец, студентки, русские-же. В то время почти все студентки были иностранки. Предразсудки французской буржуазии противились поступлению в университет молодых девушек. Такой шаг казался им ниже их буржуазного достоинства. В числе пяти или шести студенток, вошедших в группу, были Мария Гольдсмит и ее близкая подруга Рубинович.

Наши усилия были направлены к самообразованию и помощи освобождению трудящихся. Нам казалось, что самой

1) В течение этого первого года, мы часто бывали вынуждены менять место наших собраний. И мне хочется отметить, что, когда мы наконец устроились в зале при кафе, помещавшемся под «Всеобщей Ассоциацией Студентов» (профессиональная организация студентов Парижа. (Примечание переводчика), мы были вытеснены студом под давлением комитета этой Ассоциации, где тогда доминировало, хотя он и не занимал там официального места, влияние Леона Блюма. Он еще не обрел тогда своего пути в Дамаск. — Леон Блюм — лидер французских социалистов. Примечание переводчика.

2) Впоследствии видный ректор Парижского университета.

Прим. переводчика.

элементарной честностью было предоста-
вить последним самим обсуждать свои ин-
тересы и избирать из своей среды предста-
вителей. Мы считали, что должны оста-
ваться вне политической борьбы и ни в
каком случае не выставлять себя кандида-
тами в избирательных кампаниях. Од-
нако, это решение разделялось не всеми
и в конце 1892 года Зеваас и Тьерселен
вышли из группы, чтобы организовать
группу студентов - коллективистов, присо-
единившуюся к партии чекистов, с целью
принять участие в политических кампани-
ях.

Мы склонялись больше к действию в
собственном смысле слова. В то время
существовали только синдикаты аллемани-
стов (Syndicats allemanistes), которые
вели независимую действительно пролетар-
скую работу. Многие из нас находились
в дружеских отношениях с Жаном Алле-
маном; несколько позднее, благодаря пос-
редничеству Амана, мы сблизились с Фер-
динандом Пеллутье, вскоре по приходе
его в Париж. С другой стороны, Метшен
и Реми, по возвращении с военной служ-
бы, употребили все свое влияние, чтобы
направить группу на анархический путь.
Мы вошли в сношения с Гравом, а в груп-
пе «Тан нуво» мы нашли Поля Дельсэля,
которого мы знали с 1892 года.

Однако, группа не примыкала ни к
какой партии, ни к какой секте. Она
продолжала вербовать своих членов среди
самых различных направлений: она имела
в своих рядах и либеральных марксистов,
как Шумахер (русский), Аридт (немец) и
анти-социал - демократов, как Корнели-
ссен. Она расширялась, приняв несколь-
ких членов школьной демократической ли-
ги. (Маршанд, Мило, Бон и др.), а также
некоторых студентов - коллективистов, ко-
торые в течение нескольких месяцев посе-
щали наши заседания.

Мнения группы E.S.R.T. были выра-
жены в брошюрах, которые группа после-
довательно публиковала с 1894 г. до 1901
г.г.: «Социализм и студенчество»; «Поче-
му мы интернационалисты», «Революцио-

неры на лондонском конгрессе», «Реформы
и революция», «Личность и коммунизм»,
«Нищета и нравственность», «Как госу-
дарство учит морали», «Анархисты и син-
дикалисты», «Раскол у социалистов»,
«Толстовство и анархия», «Кооператизм и
нео-кооператизм», «Коммунизм и анархия»,
«Всеобщая стачка».

Брошюры эти готовились в комис-
сии и обсуждались глава за главой, на об-
щих собраниях. Комиссия состояла из
6-12 человек. Их сотрудничество было
настолько общим в некоторых брошюрах,
что я теперь не в состоянии был бы ука-
зать, что именно сделано было каждым в
отдельности.

Жизнь группы светлела мало-по-малу
к деятельности комиссии, члены которой,
кроме постоянного ядра, постоянно меня-
лись. Кроме товарища, ставшего впослед-
ствии профессором университета, фами-
лии которого я не могу здесь назвать, на-
иболее молодыми членами были Кремье и
Жакубе.

Заслугой группы было содействие вы-
яснению принципов революционного синди-
кализма в тот самый момент, когда пос-
ледний зарождался и начал развиваться.
В этом отношении, группа опередила столь
расплодившихся впоследствии чистых тео-
ретиков. Отбрасывая дипломатию рефор-
мистов, мы считали, что прямое действие,
если даже оно не ведет к более ценным и
непосредственным прямым результатам, то
оно имеет во всяком случае, воспитатель-
ное значение. Изучение рабочего дви-
жения отдалило группу, с 1896 года, от
школьного юношества. Она приглашала
рабочих на свои дискуссии и, благодаря
этому, мы приобрели сотрудничество Дель-
сэля и других.

Участие Марии Гольдсмит, единствен-
ной из наших товарищей - женщины остав-
шейся в группе, было незначительным в
первых брошюрах. Оно становится все
большим по мере сплочения группы, осо-
бенно начиная с седьмой брошюры. Редак-
ционная комиссия привыкла собираться у
нее. Она вмешивалась обыкновенно для

восстановления порядка и ясности прений, когда последние становились сбивчивыми и начинали запутываться. Именно, под ее влиянием, а также под влиянием Реми, определилась окончательно анархическая идеология группы. Впрочем, группа шла к упадку. Товарищи мало-по-малу выходили из нее, занимая ту или иную должность, или же переселяясь в провинцию, в колонии. Некоторые возвращались в свои страны. Многие женились. Все были поглощены необходимостью зарабатывать на жизнь. Группа прекратила свое существование в 1901 году.

Я рассказал о жизни группы потому, что жизнь М. Гольдсмита в значительной степени сливалась с ней. Я убедился на опыте в том, что коллективная жизнь может вести к таким же красивым душевным переживаниям и давать такое же полное духовное удовлетворение, как замкнутая личная жизнь. Я нашел, что коллективная жизнь дает больший размах и большую идейную выдержку, чем жизнь, чисто личная, которая слишком часто окрашивается мелочным знанием и искажается нелепым тщеславием. Во всяком случае, наша коллективная жизнь помогла нам установить наше нравственное «Я» и нашу социальную философию на серьезно продуманных основаниях. И она не помешала нам сохранить нашу индивидуальность.

Коллективная жизнь помогает развитию индивидуальностей, если только эти последние не замыкаются в одной группе, а расширяют свою деятельность и за ее пределами; если, например, они принимают участие в профессиональной жизни, в других группах (артистических и т. д.), если живут семейной жизнью. С этой точки зрения семья, живая семья с заботами, которая дает воспитание детям, имеет свою пользу, вопреки распространенной тенденции признать социальными лишь те факторы, которые вытекают из теоретических формул. И наоборот, семейный эгоизм заставляет иногда терять чувство общественной жизни и человеческой солидарности.

Помимо нашей группы, М. Гольдсмиту вращалась в русской революционной среде, многочисленной и разнообразной в то время. Старик Лавров, находившийся тогда в Париже (он жил на ул. Сен-Жак), имел на эту среду очень сильное влияние. Тенденции революционного социализма являлись господствующими. В стране преимущественно земледельческой, промышленно почти не существовавшей, организация крестьянской революции казалась первой необходимостью. Некоторые русские студенты называли себя последователями Плеханова (анархистоеда) и составляли отдельную группу. Для них революция, настоящая революция, должна была быть марксистской, что являлось парадоксом для страны, где индустриальные, пролетаризированные рабочие составляли ничтожное меньшинство. Фатализм экономического материализма привел, по крайней мере некоторых из них, к ожиданию наступления стадии капитализма. У других можно было уже наблюдать зачатки теории диктатуры пролетариата. Для этих фанатиков, не знавших социальной жизни, гегелевская диалектика служила ключом к познанию и объяснению всех экономических и социальных явлений, словно эти последние повинуются какому-то схоластическому закону.

М. Гольдсмиту посещала Лаврова. Там она познакомилась с Симоном Раппопортом, который был нашим общим другом «Черным Раппопортом», отличным человеком и большим оригиналом. Его не следует смешивать с его однофамильцем Шарлем Раппопортом, блондином, который тоже числился одно время в нашей группе (приблизительно в 1896 г.), на собраниях которой он неутомимо болтал.

Симон, завсегдагой бедной богемы, был под псевдонимом Анский, талантливым писателем, стремившимся возродить на жаргоне еврейский быт. Он умер в исключительной бедности, не дождавшись постановки на сцене своего «Диббук», шедшего впоследствии с огромным успехом. Еврейские националисты претендовали на Анско

го и стремились причислить его, революционера, к своему лагерю. На мертвых можно ведь все вылить.

С. П. Кропоткиным М. Гольдсмит познакомилась, вероятно, на международном социалистическом конгрессе в Лондоне в 1896 г., и она заключила знакомство также с Корнелисеном, Амоном, Черкезовым и некоторыми другими. С этого момента Кропоткин имел на нее самое большое влияние и направлял ее революционные идеи. Находясь в постоянной переписке с ним, она была самым верным и дорогим его последователем. Вся ее общественная деятельность с тех пор была посвящена пропаганде анархизма. Она была в дружеских отношениях с Неттлау, Брунбахом, Полем Реклю, Давом, с четой Земинских и многими другими, имен которых я не могу здесь называть, и которые все относились к ней с чувством глубокой привязанности и уважения.

Она была постоянной сотрудницей «Тан нуво» («Новые Времена»), где помещала переводы, иностранные корреспонденции и оригинальные статьи под псевдонимом Кори и Пизидия. Если память мне не изменяет, наше регулярное сотрудничество в этом издании началось одновременно. Это было в период критских событий, когда христианское население Крита восстало против турецкого владычества. Кропоткин и Черкезов были за освобождение критян. После разговора с М. Гольдсмит и с Реми, я написал статью, заявляя, что это восстание должно быть для нас безразличным, так как, согласно сообщением, христианское население стало избивать мусульман и отнимать их имущество, так как, по моему, мусульманское население, хотя и составляющее незначительное меньшинство, тоже имеет право на жизнь; так как решение критского вопроса отнюдь не состоит в перемене правительства и установлении новой тирании, направленной на другую часть населения. На что Кропоткин отвечал, что, отнюдь не ставившись на точку зрения национализма или патриотизма, следует оценивать собы-

тия с точки зрения обще-человеческой эволюции и что Западная цивилизация, при всех недостатках, стоит все же бесконечно выше косности и застоя, свойственных турецкой тирании и на изменение которых нет никакой надежды. Словом, что следует открыть возможности для развития и свободы. Я уверен, что искажаю аргументацию Кропоткина, так как у меня не имеется его ответа.

Но такими они остались в моей памяти. И в 1914-16 гг. Кропоткин стал на ту же точку зрения, т. е. не национализма и патриотизма, а необходимости выбора между двумя цивилизациями: феодальной и военной, или демократической и либеральной. Он утверждал, что победа центральных государств означала бы укрепление военного феодализма и продолжение или восстановление монархического принципа. Я было совершенно забыл критскую полемику: М. Гольдсмит мне о ней напомнила. Она еще совсем недавно предлагала опубликовать выдержки из этой полемики, что бы осветить точку зрения «Манифеста 16-ти». С этой же целью она сама дала статью, опубликованную в «Plus loin» («Дальше») № 44 (ноябрь 1928 г.) за подписью Пизидия. Эта статья, по моему, окончательно ликвидирует вопрос.

«Temps Nouveaux» («Новые времена») мы продолжали издание брошюр с Поль Дельсалем. Несколько позже было создана группа друзей «Temps Nouveaux», в которую входили: Делланк, Жем Гильем, Монатт, А. Жирар, Ш. Бенуа (который занимался исключительно изданием брошюр) и др. Монатт, занявший свое место газетой «La vie sociale» («Рабочья жизнь») вскоре выбыл из группы. Вплоть до войны наши собрания пропеходили регулярно каждые 2 недели. М. Гольдсмит на них присутствовала почти всегда.

В 1919 году Герен воскресил «Temps Nouveaux» (послевоенное издание) с Гольдсмит в составе редакции «Plus loin» появилось в марте 1925 года, после разрыва с Жан Гравом. М. Гольдсмит содействовала в группе основателей вместе с Дел-

леком, Корнелиссен, Давидом, Дуче, Кермабовом, Бертраном, Жаком и Полем Релло, Черкезовым, и др. Она принимала участие в редактировании журнала до тех пор, пока ухудшение здоровья матери лишило ее возможности уходить из дому и оставлять мать одну, в особенности, по вечерам. Но она присылала статьи и последняя ее статья — «Отклики нашей печати» была напечатана в № 93 (январь 1933).

В то же время, квартира ее была центром оживленных, дружеских собраний, с участием многих и многих русских революционеров, имен которых я здесь сообщать не могу. Наконец, она выполняла огромную работу по сотрудничеству и корреспондированию в передовых иностранных изданиях. Кропоткин доверил ей французский перевод «Этики». Она даже надеялась иметь возможность дать в печать вторую часть этого труда, по оставленным им разбросанным заметкам.

Кроме всего этого, она занималась научной деятельностью. Будучи доктором естественных наук, она стала секретарем и сотрудником П. Деляжа, с которым она совместно написала две работы: «Теория эволюции» и «Естественный и экспериментальный партеногенезис». Главным же образом она составляла вместе с ним «Биологический год», одним из двух секретарей которого она состояла с 1902 г., и с 1919 года единственным секретарем, а в действительности, главным работником.

Этот период был самым счастливым в ее жизни. То был период спокойного и плодотворного труда, давшего ей, к тому же, некоторую обеспеченность. Лишившись зрения, Деляж целиком доверил ей свое дело. Но, как скромна она ни была, все же против нее поднялось чувство зависти, как со стороны противников школы Деляжа, так и со стороны многих его же учеников; эти последние не могли ей простить того исключительного доверия, которое ей оказал Деляж. Она была вполне достойна этого доверия и, конечно, никому не могла вредить. Несмотря на

все, по смерти Деляжа, произошло на ее спине примирение врагов и друзей последнего. Она служила Деляжу и даже отчасти «физически», так как нередко должна была водить слепого. Он ничем не вознаграждал ее. Он даже — как это следовало бы ему сделать — не обеспечил ей официального места. Будучи беден и обременен семьей, он не сумел ничем помочь ей. Он был фанатиком — идеистом, а бедная М. Гольдсмит, со своей стороны, была лишена практического чувства. Она была против натурализации, без которой она была осуждена, привязанная к среде, где она вращалась, на крайнюю бедность, так как она не могла занимать официально поста, не будучи французской подданной. Деляж мог бы ей об этом сказать.

Так или иначе, ее отстранили от «Биологического года», где однако пост секретаря не являлся официальным. После этого она продолжает свою работу в различных лабораториях, на довольно непрочных условиях. Она была слишком скромна. Везде она как-то стеснялась и держала себя в сторонке от работ, которые там производились. Это уединение, это держание себя в стороне от всех, были злобно осуждены всеми другими и окончательно ей повредили.

Однако, в 1927 году она опубликовала у Коста «Сравнительную психологию», где она делает обзор известных в животном мире явлений тринизма, рефлексов, инстинктов и возникновения ассоциаций, являющихся источником памяти и всех высших интеллектуальных процессов. В этом труде и в «Теориях эволюции» М. Гольдсмит дает известного рода философский синтез, подвергая обзору и критике существование теории. В качестве личных исследований, я уже цитировал «Партеногенезис», написанный, правда, совместно с Деляжем, но где ее участие очень мало. Наконец, ее докторская диссертация была посвящена вопросу «Физиологических и психических реакций рыб». Я считаю небезынтересным воспроизвести

следующие строки из первой страницы этого труда:

«Не так еще давно спекулятивная психология, как и сама философия, принадлежала к области литературы, а не науки о природе. Между тем, теория эволюции, а также философский материализм середины XIX века, указывали ей уже иной путь. Мысль Огюста Конта, который в себе «Позитивной философии» предвидит создание сравнительной психологии, основанной на изучении нервной системы, даже предвосхитила эти теории, хотя и осталась без отклика в то время. Психология, крепко привязанная к старым традициям мысли, очень медленно принимала новое напряжение, и до сегодняшнего дня еще не вполне стала наукой, основанной на наблюдении и опыте».

Целью М. Гольдсмит было способствовать прогрессу психологии, как науке, основанной на опыте. Вот почему она производит исследования и наблюдения над психикой животных. Наибольший материал ей доставили наблюдения над рыбами на биологической станции Роскор. Ассоциация, доступные мозгу рыбы, очень далеки от наших человеческих. «Но они представляют собою нечто, откуда впослед-

ствии в процессе эволюции родились подлинные ассоциации» (стр. 128). Таков одно из заключений в работе М. Гольдсмит. Оно чрезвычайно ценно. Так как Деяжа, можно сказать, целиком прикрепил М. Гольдсмит к себе, то у ней не было в распоряжении лаборатории для свободной личной работы. Оригинальные труды были ей, поэтому, почти недоступны. С другой же стороны, ее специальность — экспериментальная психология — была достоянием «камариллы» — той самой, которая выставляла ее из «Биологического года».

После смерти Кропоткина и Деяжа, умерших один за другим, М. Гольдсмит лишилась моральной поддержки, на которую она привыкла опираться. Приближалась старость, необеспеченная старость, а одним только верным убежищем — любовью медленно умирающей матери. За последние 2 месяца М. Гольдсмит никуда не выходила. Даже днем она не решалась покидать мать. Она забросила все свои лабораторные работы. Когда ее мать, в возрасте 83 лет, скончалась с 8 на 9-е января, М. Гольдсмит приняла яд, не желая пережить ее.

М. ПИЕРО.

БЕЗВЕСТНЫМ

Над морем слез и крови
Взвилось знамя Свободы
И реет оно величаво
Безцветное, светлое. Реет!

Все выше и выше вздымается знамя,
Крылья его распростерлись над миром,
Светлой зарей сверкают уже тучи,
Знамя зарделось весною вдали.

Безымянны древкодержатели были,
Безымянны будут они впереди,
Но знамя Свободы воздвигнуто ими,
Их жизнью, силой Любви.

Многие мелкие, душонок больные,
Крикливо машут к солнцу любви,
С шумом стремятся пред ней преклониться,

Излиться как бесы в страстной любви!

А любовь их — черна как ночь, как могила.
В любви их ни зги Рассвета и Жизни.
Но яркое Солнце и их осветило
И глянули люди в пустоту их души.

Яркое солнце рдеет над миром,
Солнце Свободы лазурью горит
Все ярче и ярче и к светлому манит,
Манит к жизни Свободе, Любви.

Безвестные ложатся в фундамент Свободы,
Строят по камню здание Любви,
И знамя взвивается все выше и выше
Над Великим Зданием Свободы, Любви.

Анатолий Горелик.

Москва. Бутырская тюрьма.

Мелкие заметки и сообщения.

КО ВСЕМ СОЗНАТЕЛЬНЫМ РАБОЧИМ МИРА

Товарищи! Трагическое положение, в котором находится российский народ, вынуждает нас, анархистов, обращаться ко всему сознательному миру, встать на защиту поправных его прав — политических, экономических и духовных.

Вопли и стоны политических узников России доносятся до нас, живущих за-границей. Трагические строки, написанные на жалких лоскутках бумаги русскими крестьянами, передают плач и скрежет зубов умирающих от голода людей. Сотни тысяч таких страшных писем получено за-границей, в которых ясно говорится о том, что миллионы русских крестьян пали жертвой страшного вампира-голода. Миллионы крестьянских детей на пороге могилы от истощения.

Все это является результатом власти, которой охвачена бешеная кучка большевистского правительства, старающегося сохранить свое существование.

Для того, чтобы закрепить свое преобладание у власти, русское правительство создает головокружительные планы индустриализации и вооружений, на что затрачивает все ресурсы страны.

В бешеной горячке эти злые гении, оказавшиеся на вершинах бушевавших волн русской революции, терзают русский народ в течение шестнадцати лет.

Прежде они действовали пулей и тюрьмой, а сегодня решили применить наиболее легкий и верный способ — голод. Продажные агенты этого правительства шныряют по всему миру, обивая пороги у разных правительств и отдельных капиталистов. Братаются с ними с целью получения кредита, за который должен расплачиваться русский народ. Они ищут рынок, на котором можно было-бы продать за бесценок последний кусок хлеба, вырванный из дрожащих рук умирающих от голода русских детей.

Поэтому, мы апеллируем к сознанию

всех рабочих мира — встать на защиту умирающих от голода русских детей. Мы обращаемся к матросам и доковым рабочим всего мира, как к наиболее сознательной части рабочих, отказываться грузить и перевозить русские товары, так как они произведены при потогонной, арестантской системе, а производящие эти товары остаются голыми и босыми. Не грузить и не перевозить сестных продуктов и припасов потребления, ибо производящие их умирают от голода.

Мы апеллируем ко всем рабочим мира — бойкотировать и не покупать привозимых товаров и продуктов потребления из России, в которой вновь возрождено крепостное право, народ которой умирает от холода, голода и нищеты.

Мы обращаемся к революционерам всего мира встать на защиту идейных товарищей. Требуйте освобождения политических заключенных, заполняющих все тюрьмы, ссылки, пункты и концентрационные лагеря бессроочно. Требуйте освобождения анархистов, соц.-революционеров, соц.-демократов и вообще всех тех, кто борется за свободу и справедливость.

Ведите борьбу с местными коммунистическими группами, как с будущими палачами и врагами трудящихся. Требуйте от них освобождения русских политических ватожан. Ставьте в вину это правительство агентам в ваших странах и требуйте от них ответа не только словом, но и делом.

ПРОФ. СОЮЗ ГОР. ДЕТРОЙТА.

P.S. Просим родственные издания перепечатать.

КО ВСЕМ ТОВАРИЩАМ ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Еще в апреле сего года исполнилось шесть лет со дня выхода первого номера «Пробуждение».

За это время было выпущено из печати тридцать четыре номера.

Уже шесть лет «Пробуждение» неустанно ведет борьбу с современным рабоче-властническим строем, несет свет и знание в трудовую массу, сеет семена правды и зовет угнетенных и обездоленных к свободному обществу.

За эти шесть лет немало пришлось перенести трудностей; немало препятствий пришлось встретить в деле издания нашего органа «Пробуждение».

Если были литературные силы, то не было временами средств на издание. Теперь есть статьи, но благодаря безработице финансовая сторона хромает. Все это ложится тяжестью на нашу работу. Только благодаря усиленному старанию всех товарищей, мы выпустили тридцать четвертый номер.

Переходя к седьмому году издания нашего органа «Пробуждение», мы вполне сознаем трудную работу, которая предстоит нашему анархическому движению впереди. Но твердо веря в торжество идей анархизма, мы с большей надеждой и энергией будем продолжать нашу анархическую работу. По мере наших сил, мы будем приглашать в сотрудники нашего журнала всех товарищей анархистов, чтобы удовлетворить себя и наших читателей, чтобы вместе разобраться в тех или иных вопросах, которые выдвинуты жизнью и требуют ответа. Поэтому мы призываем всех к пробуждению. Пусть голос наш еще слаб, но мы уверены, что наш призыв будет услышан всеми крестьянами и рабочими, кто трудится и страдает, кто стонет в цепях и неволе, кто жаждет счастья для всего человечества.

Пусть наш призыв живым откликом отзовется в сердцах рабочих и крестьян; пусть пробудится в них не только чувство, но и разум.

И все те, кто мучительно жаждет свободы, кто ищет путей к свободной жизни, пусть все услышат призыв нашего органа «Пробуждение», пусть идут на наш зов к новой свободной жизни. Пусть же сильнее звучит наш призыв ко всем тем, кто изнывает под непосильным бременем тру-

да, кто страдает и мучится. Пусть все анархисты объединятся вокруг органа «Пробуждение», пусть «Пробуждение» будет нам всем теоретическим и практическим органом, освещающим, разъясняющим и углубляющим идеи анархизма.

Чтобы создать анархическое движение, необходимо усиление и улучшение пропаганды письменной и устной, словом и делом, без чего нельзя построить новое свободное общество.

1) Желательно и необходимо, чтобы все группы, союзы и отдельные товарищи, получающие журнал «Пробуждение» для распространения, расплачивались за проданные номера во время. Этим вы облегчите финансовое положение журнала и дадите возможность выпускать журнал регулярно.

2) Просим подписчиков, срок которых уже истек или истекает, возобновить подписку во время, иначе, в силу необходимости, нам придется приостановить высылку журнала таковым.

3) Необходимо, чтобы все группы, союзы и отдельные товарищи, а также сочувствующие нашему анархическому движению и журналу «Пробуждение», принимали все меры для более широкого распространения журнала, для чего рекомендуем: распространять журнал на пикниках, балах, вечеринках, митингах, лекциях и в других местах, где только есть возможность.

Долг и нравственная обязанность всех товарищей заинтересовать «Пробуждением» тех рабочих и крестьян, которые по тем или иным причинам еще не являются читателями журнала.

Все деньги убедительно просим направлять на имя секретаря:

9219 Russell St., Detroit, Mich.

СОВЕТ, КОТОРОМУ НЕ СЛЕДУЕТ СЛЕДОВАТЬ

В «Рассвете» от 26-го июля увлекательный гитлеризмом С. С. Михайлов дает анархистам не совсем умные советы, вроде «быть раньше всего русскими», не бо-

аться опитета националиста, ибо «мы со всех сторон окружены странами и народами, беснующимися в экстазе национализма».

Ну, а если все сошло с ума, так и всем нам, русским, и в том числе анархистам, надо превратиться в бесноватых фашно - националистов. Вряд-ли ядом фашизма и национализма можно излечить изнемогающий под большевицкой диктатурой русский народ.

СМЕРТЬ ДЖОНА МАКАЯ

В Берлине, 16-го мая с. г. скончался известный немецкий анархист - индивидуалист Джон Хенри Макай. Родившийся 6-го февраля 1864 года в Гриннок, вблизи Глазгоу, (Шотландия), Дж. Макай большую часть своей жизни провел в Германии и написал ряд трудов об анархо-индивидуализме. Макай был последователем Штирнера. Одна из его книг «Анархисты» переведена на русский язык.

АМЕРИКАНСКИЕ ФАШИСТЫ ОБВИНЯЮТ АНАРХИСТА В УБИЙСТВЕ

В Астории, Н. И., 14-го июля с. г., на фашистском митинге произошла свалка между фашистами и антифашистами. Фашистами был убит анти-фашист студент Антонио Фиерре.

Когда началась стрельба, анархист Атос Терзани покинул залу, но затем вернулся и указал на человека, произведшего выстрел. Полиция, однако, по настоянию устроителя митинга, фашиста Смита из Филадельфии, арестовала не виновника убийства — фашиста, а Терзани, указавшего на фашиста. Фашисты настояли на предании суду Терзани по обвинению в убийстве, совершенном самими фашистами. Тов. Терзани грозит суровое наказание, может быть смертный приговор, по делу, подстроенному фашистами.

Нью-йоркский «Фридом» призывает рабочих приложить все усилия к тому, чтобы избавить тов. Терзани от незаслуженного им наказания. Фашисты пролили кровь анти-фашиста и хотят распла-

титься за содеянное ими злодеяние жа- нью анти-фашиста. Пожертвования при- сят направлять в адрес «Фридом», почт- ящик 111, Станция О. Нью Йорк Сити.

МИЛИТАРИЗМ И ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ

Последняя Мировая война обошлась всем странам, принимавшим в ней участие, в 30,000,000 человеческих жизней и в 400,000,000,000 дол. деньгами и имуществом.

В 1930 году численность всех армий достигла 30,000,000 штыков, на 10 миллионов штыков больше, чем в 1914 году. Сумма военного долга от последней войны определяется в 10,338,058,352 дол. 20 сен.

Ежегодные военные расходы всех стран — 4,300,000,000 дол.

На приготовление к войнам правительство Соединенных Штатов израсходовало с 1791 года по 1800 г. — 2,614,000 долл. С 1800 по 1932 г. — 814,274,104 долл.

На военные надобности больше державы в 1930-31 бюджетном году израсходовали следующие суммы:

Великобритания — 525 миллионов дол., Франция — 455.3 миллиона дол., Италия — 258.8 миллиона дол., Япония — 232.1 миллиона дол., СССР — 579.4 миллиона дол., Соединенные Штаты — 727.7 миллиона дол. и Германия — 170.4 миллиона дол.

Китайское правительство пригласило в качестве инструкторов 15 американских военных летчиков с окладом жалованья от 2,000 до 6,000 серебряных долларов в месяц.

В Польше в 1932 году было приговорено более 50 человек к смертной казни за шпионаж в пользу СССР.

Советское правительство в следующую пятилетку предлагает построить 94 дирижабля и довести число военных аэропланов с 2,000 до 5,000.

В Испании ассигновано 150 миллионов пезет на сооружение военных аэропла-

Ов. Оккупация Марокко обошлась Испании в 60,000 жизней и 8 миллионов пезет. Со дня основания нынешней республики правительством убито около 300 рабочих.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПРОТИВ ВОЙНЫ АНГЛИЙСКИХ ШАХТЕРОВ

С'езд Английской Федерации шахтеров в Скарборо принял резолюцию, в форме требования, обращенного к Тред-юнионному конгрессу (объединение всех профсоюзов), о том, чтобы в Англии была объявлена генеральная забастовка в случае объявления английским правительствам войны другой стране.

В «ВЕЛИКОЙ» АНГЛИИ

Двадцать миллионов английского населения не владеют ни пядью земли. Из общей земельной площади в 37,234,263 акра около 2,500,000 акров принадлежит 37,000 владельцам.

ДЕПОРТАЦИЯ 120 ИСПАНСКИХ АНАРХИСТОВ

Испанское правительство без суда и следствия выслало на острова 120 анархистов. В Голландии под протестом, посланным испанскому правительству, собрано 1,170 подписей. Антимилитаристское бюро предлагает послать испанскому правительству такие-же протесты из других стран.

—оОс—

НА С'ЕЗДЕ АМЕРИКАНСКИХ АНАРХИСТОВ В СТЕЛТОНЕ, Н. Дж.

В Стелтоне, Н. Дж., 1 и 2-го июля с. г. состоялась конференция американских анархических групп. Отметим некоторые из вопросов, бывших предметом обсуждения конференции.

Тов. Сосновская выразила сожаление по поводу того, что анархическая группа «Вангард» приняла участие в демонстрации, устроенной нью-йоркскими коммунистами.

Один из редакторов журнала «Фри-

дом» (Келлы) указал на необходимость пропаганды среди фермеров и конторских служащих.

Принята следующая резолюция:

Необходимо стремиться к созданию Анархической Федерации, включающей в себя все анархические группы в Соединенных Штатах.

Федерация не должна обладать исполнительной властью и нести только секретарские обязанности по координированию и выполнению групповых решений.

Каждая группа сохраняет полную автономию и независимость.

ФАШИСТСКАЯ ДОБЫЧА В ГЕРМАНИИ

По заявлению бежавшего в Прагу лидера германской социал - демократической партии Ф. Шейдемана, гитлеровцы ограбили его партию приблизительно на сумму 40,000,000 марок (марка равна около 34.75 сен.).

Гитлеровцы захватили следующее имущество социал - демократов: 120 партийных газет, владевших 102 типографиями и наличными около одного миллиона марок.

Такую-же конфискаторскую политику, но, конечно, в меньшем масштабе, проводило и социал - демократическое правительство в президентство социалиста Эберта. Когда вышли на забастовку железнодорожные рабочие и электрики в Берлине, то, по распоряжению Эберта, были конфискованы забастовочные фонды железнодорожников и электриков.

У гитлеровцев, как и у большевиков, по части ограбления своих оппонентов аппетиты и размах большие, чем у социалистов. Последние поэтому являются до некоторой степени меньшим злом, чем большевики и их родные братья фашисты.

«ЧЕЛОВЕК»

Желающим читать и распространять анархическую газету на английском языке «ЧЕЛОВЕК», рекомендуем обратиться по следующему адресу:

"MAN" 1000 Jefferson st.

Oakland, Calif.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп
"Пробуждение".

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подписанию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.